

НАШИ ЗВЕЗДЫ

ВЯЧЕСЛАВ ШАПЫГИН

АПРАДАКТ
СТАПЬНАЯ
БАБОЧКА

Аррадакт

Вячеслав Шалыгин

Стальная бабочка

«ЭКСМО»

2015

Шалыгин В. В.

Стальная бабочка / В. В. Шалыгин — «Эксмо»,
2015 — (Аррадакт)

Далекое будущее... С тех пор как человечество покинуло лишённую ресурсов и жизни Землю, оно разделилось на три расы: генномодифицированных дактианцев, полумеханических сайтенов и мароманнов, напичканных нанороботами. Лишь дикари-вильдеры, населяющие опустошённые в ходе галактической экспансии планеты, сохранили свою человеческую природу. Спустя много веков из центра Галактики, именуемого Пеклом, стали поступать тревожные вести. Шанс разобраться в происходящем выпал мароманнскому офицеру Максу Хауэру и дактианскому тактику Сайрусу Рему, когда в окраинном секторе вдруг появился загадочный корабль «Стальная бабочка», пропавший много лет назад как раз поблизости от Пекла.

© Шалыгин В. В., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	7
Глава 1	20
Глава 2	38
Глава 3	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вячеслав Владимирович Шалыгин

Стальная бабочка

© Шалыгин В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«...Уважаемые координаторы Межзвездного сообщества, разрешите приветствовать вас от имени Ассамблеи и сразу же подчиниться регламенту. Формат экстренного совещания Высшего Совета предполагает минимальные затраты времени на лирические отступления. И все же без традиционного вводного слова нам не обойтись. Этого требует закон о Сохранении памяти предков. Для большинства присутствующих – наших общих предков.

Много лет прошло с начала Космической эры. За это время Земля превратилась в лишенный ресурсов безжизненный мир, и люди отправились к дальним космическим рубежам в поисках новых мест обитания. Но, добравшись до новых миров, человечество не остановилось. Выжав все соки из множества освоенных планет в десятках звездных систем, оно продолжило свою экспансию в направлении центра Галактики.

И чем дальше потомки землян уходили от Колыбели человечества, тем слабее становились их связи с единой Родиной и друг с другом. Люди оказались разбросаны по нескольким секторам Галактики, в которых им пришлось не только менять под себя новые планеты, но под действием природных условий и обстоятельств меняться самим. Делали это они разными способами, и в результате несколько ветвей земных потомков сформировали не похожие друг на друга космические расы.

Одни успешно совершенствовали свои тела на генетическом уровне и вскоре сформировали космическую расу дактианцев, совершенных людей, способных к регенерации, а потому почти бессмертных.

Другие же пошли по технологическому пути. Чтобы приспособиться к жизни на новых планетах, они начали вживлять себе механические узлы, агрегаты и вычислительные устройства. Так появилась раса сайтенгов, потомков землян, наименее похожих на своих предков.

Третьи, мароманны, вводили в организм нанороботов, которые защищали их от всех опасностей, делали сильнее физически, а заодно вдвое увеличивали возможности разума. Но при этом скрытые в телах наноботы почти не изменяли облик людей.

В дополнение к трем великим космическим расам сформировалось и подобие четвертой. Эти четвертые, вильдеры, положились на естественный отбор и тоже худо-бедно приспособились к жизни на новых планетах, пусть и заплатив за это более высокую цену, а главное – получив в распоряжение лишь вторичное жилье. Эти живые следы человеческой экспансии остались на брошенных Большим миром опустошенных планетах. Именно поэтому уровень развития каждой из групп вильдеров стал напрямую зависеть от количества сохранившихся в недрах ресурсов и технологического наследия ушедшей в дальнейший поиск цивилизации.

До последнего момента ключевым и самым опасным поворотом в истории Космической эры, начавшейся в день первого полета человека на орбиту Земли, считалась встреча с гуманоидами. С этого исторического момента в спор за новые планеты и сферы влияния в освоенной части Галактики включилась могучая гуманоидная раса фортанов. А чуть позже компанию ей составила цивилизация чужих-насекомых, прозванных киферами. Но большой войны

с чужаками не случилось, и слава богу. Далеко не факт, что победа в такой войне осталась бы за многочисленными потомками землян. Но чужаки не стали сражаться с землянами, они предпочли договориться. И в чем тут причина, знают лишь сами чужаки. Уверен, даже наши коллеги по Высшему Совету Межзвездной Ассамблеи, координаторы с Фортана-12, и уважаемые представители киферов этой тайны нам не откроют.

Сегодня весь наш Большой межзвездный мир находится в динамическом равновесии. Да, в нем тлеет военный конфликт между Демократической Империей Аррадакта и Народной Диктатурой Маробода. Не прекращаются споры между сайтенами и фортанами. Не поддаются счету бесконечные стычки между племенами вильдеров в «отсталых» звездных системах, например, в крупнейшей системе Велунда. Вместе с этим идет торговля, обмен технологиями, текут нескончаемые потоки туристов, строятся космические города и осваиваются новые планеты. Да, где-то народы болеют, где-то голодают, а где-то, наоборот, вечно здравствуют и процветают. Справедливость в нашем мире распределена крайне неравномерно. Межзвездная Ассамблея это признает и прикладывает все силы, чтобы выровнять положение. Прошу заметить, наша организация первая и пока единственная признала вильдеров частью межзвездного сообщества, и это говорит о нашем искреннем стремлении к подлинной справедливости. Но при всех перекосах и недочетах, если смотреть на Большой мир в целом, он живет и развивается вполне успешно.

Однако все чаще приходят невнятные, но тревожные вести из района Пекла, то есть из секторов, близких к центру Галактики. Разглядеть, что конкретно там происходит, невозможно, ведь ярчайшие скопления звезд мешают дистанционной разведке, а посланные туда корабли исчезают навсегда. Но даже если они возвращаются, их экипажи ведут себя очень странно. Они будто бы не могут заставить себя рассказать об увиденном. Или не хотят рассказать.

Разобраться в этом мы и попытаемся в ходе нашего совещания. Если хватит времени. Ведь опыт подсказывает, что зачастую будущее стоит гораздо ближе, чем все мы думали. Буквально у порога. И у аналитиков Ассамблеи имеются веские основания подозревать, что это как раз такой случай...»

Вступительное слово Генерального координатора

Авы Кашерога на экстренном совещании

Высшего Совета Межзвездной Ассамблеи.

Доступ: свободный, галактический, во всех форматах.

Условный источник: информационное пространство

независимой колонии Энцум. 14/30.11/12.2014

цикла Космической Эры

Пролог Троянский приз

Когда путь лежал через сектор светящихся газовых туч, Шершень обязательно вспоминал школьный штамп: космос – это вакуум, холод и темнота. Черта с два конкретно на этих задворках галактики было холодно и темно! И с космической пустотой было что-то напутано. Его межзвездный прыжковый корабль «Виктория-1190» шел будто бы в верхних слоях атмосферы какой-нибудь гигантской планеты. Плотность газовых облаков была такой, что на долю градуса нагревалась внешняя обшивка.

А какая яркая и красивая иллюминация была за бортом! Ближайшие газовые поля светились бирюзой, словно вода в море, подсвеченном косыми лучами восходящего солнца. Зато далекие тучи, сквозь которые проглядывало Пекло – яркое скопление звезд в центре Галактики, – поражали буйством и насыщенностью красок. Разноцветный перламутровый хаос, казалось, застыл навсегда, но при желании нетрудно было разглядеть мизерное движение газа на ближних подступах к тучам. Там пролегли маршруты грозных течений, опоясывающих гигантские газовые скопления.

Приближаться к этим космическим рекам слишком опасно, и все-таки Шершень каждый раз обещал себе однажды слетать в сторону туч. Ему всегда хотелось посмотреть на течения вблизи и попытаться понять их природу. Обещания эти были сродни фантазиям на тему «вот бы вернуться в детство», но Шершень их не отбрасывал. В душе у человека должно оставаться что-то сокровенное, по-детски наивное, несбыточное. Иначе душа черствеет. А с черствой душой ты уже не человек. Так, действующая модель, неспособная на глупые, но великие поступки.

Шершень вздохнул и оторвал взгляд от грандиозного зрелища. Вышедшая из прыжка «Виктория-1190» справилась со штатной процедурой самодиагностики гораздо раньше, чем капитан налюбовался видом за иллюминатором. Вот уже битую минуту корабль прозябал в ожидании приказа.

Так повелось. Синтетическая управляющая личность корабля, в обиходе именуемая Вики, всегда дожидалась от капитана корректировки курса. В большинстве случаев ничего подобного не требовалось. Корабли такого класса пусть и устарели на пару поколений, но работу свою выполняли исправно. Точность подпространственных прыжков была очень высокой, даже без привязки к маякам, только по заданным координатам. Но Шершень внес свой капитанский каприз в программу пилотирования и требовал его выполнения во всех случаях, кроме боевой ситуации, когда по выходе нужен был мгновенный маневр.

Нет, капитан смаглерского судна не считал себя умнее интегрированного в корабль разума-синтетика. Просто маршруты почти всегда состояли из множества коротких отрезков, и направление каждого последующего знал только Шершень. Так было надежнее запутывать следы.

Что поделать, издержки профессии. Смаглеры – а на языке цивилирных рас контрабандисты – перевозили тонны ценного груза без всяких документов и пошлин. Запутать следы в таком бизнесе – первое дело. Осмотреться после выхода в новом месте – второе. Шныряли смаглеры по всем обитаемым закуткам Галактики, даже по самым опасным, поэтому привычка осматриваться на месте была весьма полезной. Такой же полезной, как и приобретенный рефлекс передвигаться короткими прыжками, а весь план маршрута не доверять даже бортовому разуму-синтетику.

«И вот, пожалуйста, наглядное доказательство, – подумалось вдруг Шершню. – Что это за черная клякса портит картину? Не охотники, случаем, нагнали?»

Шершень давно почувствовал неладное. Интуиция обычно подавала такие сигналы, когда на хвост садились полицейские или конкуренты. Но сейчас был, похоже, не тот случай. Полицию Шершень отмел, поскольку находился там, где не встречалась даже сверхдальняя разведка безбашенно отважных мароманнов. Не могло здесь быть и космических патрулей дактианцев или изыскательских экспедиций других цивилизованных рас вроде нелюдей-фортанов или железноголовых сайтенов. Вариант с конкурентами капитан оставил в списке, но лишь для проформы. Смаглеры классом ниже Шершня редко забирались в такие дебри. Слишком велик был риск. А капитанов классом выше себя, любимого, Шершень не встречал. И это без ложной скромности. Так что оставался какой-то третий вариант. Но какой?

Замеченная Шершнем черная клякса висела себе в пространстве всего-то в десятке километров от его корабля и ничем вроде бы не угрожала. Космический мусор, да и только. Смущало одно. Клякса не двигалась. Вообще. Не летела сквозь пространство и время, – а подавляющая часть материальных объектов во Вселенной перемещалась по ним постоянно, – и даже не дрейфовала. Казалось, что это и не предмет вовсе, а некий дефект пространства. Этакая вычурных очертаний дырка на месте кусочка смальты, выпавшего из мозаики мироздания.

Но что самое странное – Шершень не видел и подсказок от Вики. Обычно корабельный синтетик окружал объемную проекцию любого необычного предмета облаком полезных виртуальных комментариев. Сейчас же бортовой разум игнорировал черную кляксу, словно ее и не было. Может, она мерещилась Шершню?

Он на миг пожалел, что не мароманн, а чистокровный, по предположению самого же Шершня, землянин. У мароманнов интегрированные в тела колонии нанороботов были отличной защитой в бою, но главное – они давали возможность пользоваться дополнительной информацией. Уроженцы Маробода без посторонней помощи видели то, что Шершень мог увидеть лишь на объемных проекциях, созданных кораблем или внешними устройствами. Дополненная множеством подсказок, чуть приукрашенная картинка реальности была для мароманнов такой же естественной опцией, как, например, цветное зрение для нормального человека.

– Вики, ты видишь черный объект справа по борту? – Шершень откашлялся. За время прыжка ему было не с кем говорить, и нужные модуляции с непривычки получились не сразу.

– Идентификация затруднена, – мурлыкнул синтетик приятным женским голосом.

– Милая, это не ответ, – Шершень хмыкнул. – Увеличь картинку.

Изображение приблизилось и стало более четким. Теперь капитан видел «кляксу» почти во всех подробностях. Это, без сомнений, был корабль. Только основательно опаленный звездным пламенем, растерявший большую часть надстроек и сильно покореженный. Тем не менее узнать его было можно. Типичная посуда класса «Тор», дальний разведчик мароманнов. Обычно такие корыта использовались корпорациями Народной Диктатуры Маробода для исследования окраин обитаемых пространств. Как и все мароманнское, эти корабли имели неплохое вооружение и даже комплектовались десантными группами человекоподобных боевых роботов – роботов-кригеров, сокращенное их название – робокриги. Ведь Маробод находился в состоянии постоянной войны с другой цивилизацией. Ему противостояла «зеленая», то есть заикленная на экологии, генетических модификациях и бионике, Демократическая Империя Аррадакта.

Но у Шершня имелись большие сомнения в том, что этот корабль «попал под раздачу» в космическом бою с дактианцами. Оружие «зеленых» не делало из посудин противника этикие пережаренные котлеты, оно работало по иному принципу: вскрывало корабли, как консервные банки, и взрывало изнутри. Так что, будь этот разведчик жертвой атаки космолетов Аррадакта, он выглядел бы как вывернутая мехом наружу зимняя перчатка из гардероба обитателей холодного Трона-2.

Но вряд ли посудину спалил и кто-то другой. Сайтены числились условными союзниками мароманнов. А фортанам, единственной «топовой» цивилизации, не имеющей земных

корней, на разборки соседей было плевать. Они не вмешивались, если дело не касалось их национально-расовых интересов.

Другие возможные противники мароманнов, например вильдеры, в такие дебри не забирались. Они даже из своих планетных систем выбраться не могли. Их посудинам с допотопными позитронными двигателями для этого просто не хватало технических возможностей. Что уж говорить о дальних фронтах?

Короче говоря, из всех версий оставалась только одна: разведчики переоценили свои силы и сунулись в какой-то космический гриль естественного происхождения. На том и погорели в самом прямом смысле.

Мароманнам можно было посочувствовать, но Шершень давно забыл слово «сочувствие». У него в голове мгновенно замкнулись нужные контакты, и он взглянул на находку по-новому. Как на неожиданный приз. Ведь найденный в нейтральном пространстве бесхозный корабль по всем законам принадлежал нашедшему! Проку от жженой груды металла будет немного, Шершень это понимал. Но еще он знал, что при желании выгоду извлечь можно из чего угодно, даже из этого металлолома. Распилить и конвертировать – это раз. Продать целиком народным умельцам, которые частично восстановят корабль, заменят силовую установку и продадут его вильдерам – два. И, наконец, его можно продать тем же мароманнам. А вдруг в синтетическом разуме корабля осталась важная для них информация?

В общем, это был именно приз, без дураков. Пройти мимо такой удачи Шершень просто не мог. Тем более что его нынешний рейс не был особо срочным – Шершень мог доставить свой живой груз на Дебору, заштатную планетку в далекой окраинной системе, сутками раньше или позже. Это не имело принципиального значения.

– Вики, идем на сближение с кораблем.

– Это опасно, капитан, чужой корабль не идентифицируется, – напомнил синтетик.

– Не шлифуй мне мозг, – Шершень поморщился. – Даже я вижу, что это мароманнская посуда класса «Тор».

– Корабли класса «Тор» не эксплуатируются уже двадцать циклов.

– Тем более. Значит, это корыто никто давно не ищет. Чистая прибыль. Где у него стыковочный узел?

– Стыковочный узел находится в контрапозиции, начинаю маневр обхода, – сдалась Вики. – Рекомендую активировать дистанционную буксировочную систему.

– Нет, милая. – Шершень потянулся, не вставая с кресла. – Я намерен размяться. Формируй скафандр, загляну внутрь этой котлеты. А вдруг там что-то уцелело? Что-то стоящее. Как бы не продать посудину вместе с ценным грузом! Мало того, что потеряю деньги, так еще и поползет слухок, что Шершень лох. Не годится.

– Рекомендую взять помощников.

– Каких? – удивился Шершень. – Этих, что ли, наших радиоактивных пассажиров? И потом делиться с ними всем найденным на борту? Ты с ума сошла?

– Функция «сойти с ума» мне недоступна. – Эмоции были синтетику также неведомы, но Вики попыталась придать голосу ироничный оттенок. Получилось, как обычно, плохо, но Шершень простил корабельному разуму эту неуклюжесть. Он вообще многое прощал «милую Вики». Почти как настоящей, живой девице. И это была не блажь. Вики не только отлично водила корабль и мурлыкала волнующим женским голосом, но и неплохо соображала в нештатной ситуации. – Вы можете сделать им скидку за перевозку. Программа безопасности настаивает на подстраховке. Это элементарная предосторожность.

– Да? – Шершень на секунду задумался. – Вообще-то мысль хорошая. Ладно, возьму двоих. Зови Маритту.

Командир отряда вильдеров, того самого живого груза, который доставлял с Гамиль-кара на далекую Дебору смаглер-контрабандист по кличке Шершень, прибыл на мостик через

минуту. Вернее – прибыла. Красивая, фактурная, как статуэтка работы талантливого мастера докосмической эры, но чересчур воинственная вильдерша Маритта по прозвищу Секира. Капитан Шершень давно был знаком с этой рыжеволосой фурией, но перейти с ней на дружескую волну никак не получалось. Очень уж эта амазонка была увлечена своей опасной профессией. Командовать боевыми отрядами ей нравилось гораздо больше, чем общаться в приятной обстановке с интересными людьми.

Нет, Шершень не считал себя таким уж выдающимся и особо привлекательным. Но в сравнении с окружавшими Маритту грязными тупыми мужланами-вильдерами он, пожалуй, смотрелся вполне себе выигрышно. Все-таки смаглер, высшая каста, к тому же чистокровный землянин... как бы. Легенда была сомнительная, но обычно срабатывала безотказно. Зачастую Шершню удавалось зацепить своим якобы «аутентичным» происхождением даже изнеженных и брезгливых цыпочек-дактианок. Но на Маритту не действовала ни легенда, ни кошелек смаглера, ни его изящные, если сравнивать с вильдерами, манеры. Она воспринимала Шершня прохладно – как делового партнера, не более.

Вот и сейчас, едва очутившись на мостике, вильдерша сразу перешла к делу. Окинув цепким взглядом пространство рубки, она чуть задержалась на облачении капитана. Кресло к тому моменту почти трансформировалось в легкий рабочий скафандр с сервоусилителями, так что со стороны казалось, что Шершень не сидит, а висит. Взгляд Маритты переместился на объемную проекцию будущего трофея, и девица мгновенно все поняла.

– Иду с тобой, – заявила она тоном, не терпящим возражений.

– Исключено, – все-таки возразил Шершень похожим тоном. – Если что-то случится, твои люди погибнут. Ведь, кроме тебя, никто не сумеет разобраться с системами управления моим кораблем. Извини, но им не хватит мозгов.

– Я тоже не смогу, но у тебя для управления есть Вики. – Маритта прищурилась. В ее красивых зеленых глазах мелькнули азартные искорки. – Ты не хочешь делиться призом?

Для вильдерши Маритта была не только удивительно нерадиоактивной, но еще и чересчур сообразительной. Почти как Вики в сравнении с другими корабельными синтетиками. То есть Шершню везло на умных дамочек, но сейчас это было скорее минусом, чем плюсом.

– Я сделаю вам скидку, – понимая, что от Маритты не отбиться, сразу предложил Шершень. – Дай мне двух толковых бойцов.

– Пятьдесят процентов.

– Сам справлюсь, – Шершень вскинул руку и чуть склонил голову. – Десять, и ни процентом больше!

– Двадцать, и по рукам, – Маритта щелкнула пальцами.

В дверях тут же возникли два бойца. «Вики» просканировала пассажиров и окутала одного полупрозрачным виртуальным облачком красного цвета.

– Этого замени, – потребовал Шершень, – слишком радиоактивный. Пятнадцать, за твои чудесные глазки.

– И по литру спирта каждому, – хрипло подсказал оставшийся в рубке боец.

– Весь спирт, какой найдешь на этой посудине, – Шершень указал на изображение трофея.

– Согласен. – Вильдер ухмыльнулся.

– Вот и ладно! – Шершень протянул руку Маритте. – Сговорились?

– Я не соглашалась на спирт. – Маритта нехотя пожала руку Шершню. – Буду следить за вами отсюда.

– Ты следи, а остальных своих бойцов держи в пассажирском отсеке, – согласился Шершень. – Лишней радиации мне тут не надо.

– Нежный какой, – вновь ухмыльнувшись, проронил боец. – За бортом ведь тоже радиация. Пока до шлюза доберешься, полным ртом хапнешь. Может, мы без тебя слетаем?

– Шутки в сторону. – Капитанское кресло окончательно трансформировалось в скафандр, и Шершень встал, а вернее, выпрямился. – За мной. И никаких телодвижений без приказа. Ясно? Маритта, подтверди.

– Слушайте капитана. – Маритта строго посмотрела на любителя поухмыляться и на второго бойца, наоборот, мрачного, как грозовая туча. – И осторожно там. Сдохнете – можете не возвращаться.

– Гы. – Первый боец осклабился, оценив шутку командирши. – Заметано. Двинули...

Скафандры у вильдеров были не такие продвинутые, как у Шершня, поэтому в шлюзовой камере троице пришлось подзадержаться – бойцы потратили минут пять, чтобы загерметизировать костюмы и проверить, как они работают. Но дальше заминок не случилось. Вики аккуратно подвела стыковочный модуль к шлюзу жженой посуды, подключилась к аварийной системе «летучего голландца» и без труда активировала его базовую систему жизнеобеспечения. Оказалось, что основные системы корабля вполне поддаются реанимации, только дайте энергию.

– Не, ну так-то еще ничего, – пробурчал мрачный боец, когда троица очутилась внутри корабля. – Воздуха в этот скрипучий случай накачать, и можно летать.

– Замаешься сажу оттирать, – возразил другой вильдер и указал на стены шлюзового отсека. – Выгорело тут все. И дальше выгорело. Полыхало будь здоров!

– В корабле? – засомневался мрачный. – Это бывает, только если все запасы кислорода вдруг выплескиваются внутрь. Иначе быстро все гаснет.

– Откуда тогда эта сажка?

Боец прошел чуть дальше, в просторный главный коридор и похлопал по закопченной стене.

Шершень был полностью согласен сразу с обоими вильдерами, такой вот парадокс. Корабль, если верить диагностике, которую запустила Вики, был по-прежнему герметичен, однако в нем давно иссякла энергия. А без энергии не работали конвертеры, в том числе и воздушные. Но сейчас Вики подала достаточно энергии в бортовую сеть, и оставалось только врубить системы жизнеобеспечения. Другой вопрос – зачем? Особой необходимости в этом Шершень пока не видел.

Второй момент – испорченные интерьеры. Вообще-то мароманские корабли не горели внутри. В принципе не горели, даже при наличии избытков кислорода. Высокотехнологичные материалы выдерживали чуть ли не звездные температуры. Фактически такие же, какие выдерживала и внешняя обшивка. Однако неведомое пламя все же повредило внутреннюю обшивку, подпортив нехитрые интерьеры. А еще оно уничтожило множество вспомогательных систем, а главное – электронную начинку. Вики не смогла установить контакт с бортовым разумом, и это означало, что он мертв... ну то есть неисправен.

«Так что, даже закачав воздух и оттерев всю сажу со стен, превратить «скрипучего голландца» в рабочее судно не получится. Здесь требуется капитальный ремонт с заменой всех электронных потрохов. В смысле, с заселением всех внутренностей колониями исправных нанороботов. Как ни печально», – размышлял Шершень.

Впрочем, особой печали он не испытывал. Приз и без того был весомым. Да, хотелось маленького чуда: чтобы неисправность оказалось мизерной, посильной для малых ремонтных роботов и программ Вики, но... чудес не бывает. Если даже мароманны, заядлые технари, посчитали, что бросить эту головешку выгоднее, чем буксировать в ремонтный док, значит, все и впрямь безнадежно. То есть трофей годился лишь на конвертацию, и Шершню следо-

вало хорошенько посчитать, окупит ли сданный по условному весу железный утиль затраты на транспортировку.

«Все так, только есть одно маленькое «но», – подумал Шершень, заглянув на мостик. – Здесь загадочного «пожара» не было. Единственный уцелевший отсек с самой важной начинкой. Если мароманны бросили судно, почему они не прихватили его содержимое? Вон те рисунки на стенах, похожие на соты и мозаику, это ведь колонии наноботов. Вот здесь процессорные, а эти оружейные. Получается, все на месте: и, условно говоря, приборы, и вооружение, и вспомогательные системы. Кто-то их отформатировал и оставил лежать бесполезным грузом? Какой в этом смысл? Лишние, что ли? Или мароманны все-таки никуда не уходили с корабля?»

Шершень огляделся. Отсек и впрямь выглядел не тронутым никакими бедствиями и даже ухоженным, словно его обитатели вышли на минуточку по нужде. Для полноты картины не хватало кружки с остывающим чаем на подлокотнике несуществующего капитанского кресла.

– А тут все пучком, как будто и не бросали посудину, – невольно подтверждая сомнения капитана, сказал первый боец. – Может, экипаж до сих пор на борту? Дрыхнут в трюме где-нибудь?

– Нет. – Второй боец постучал по переборке рядом с входом в рубку. – Вот они все где.

Шершень и первый вильдер обернулись. Боец указывал на пятно сажи на стене. Шершень поначалу не понял, что имеет в виду боец, но после того, как сделал два шага назад, увидел, что пятно сажи имеет характерные очертания. Это был контур человека.

– Пока шли сюда, два десятка таких теней насчитал, – сообщил боец.

– Это чем же их спалили? – тихо спросил другой вильдер.

– Рядом с эпицентром ядерного взрыва такие тени остаются. – Мрачный пожал плечами. – Но стрелкового оружия с такими ТТХ не знаю. Вон у смаглера спроси.

– Погодите. – Шершень поднял руку. – Вики, ты оживила память трофея?

– Удалось открыть только базовые данные. Из данных программной оболочки уцелел только капитанский файл. Все остальное восстановлению не подлежит. Все наноботы корабельного разума и вспомогательных систем критически повреждены, восстановить последовательность их сцепок невозможно. Резервные кристаллические носители информации также повреждены сверхвысокой температурой и мощным гамма-излучением.

– Дела-а, – проронил первый вильдер. – Это какое должно быть излучение, чтоб инфокристаллы разрушить. Они ж тверже алмазов.

– Твердость тут ни при чем, – заметил Шершень.

– А что при чем? Температура?

– Не мешай, – осадил приятеля второй боец. – Чего ты лезешь со своими вопросами? Больше всех надо?

– Не надо было бы, сидел бы сейчас в бункере на Гамилькаре, – буркнул в ответ первый боец. – Ты тоже не от безденежья из родной задницы решил выбраться. Обрыдло все в родных краях, романтики захотелось. Любопытно стало, что там на дальних планетах делается и как все устроено. Скажешь, нет?

– Угомонись, романтик, твою мать, – отмахнулся второй вильдер. – В трюме договорим.

– То есть что тут произошло, мы не узнаем и продать это знание не сможем, – не обращая внимания на перепалку бойцов, сказал Шершень и вздохнул. – Жаль, Вики, жаль. Ну а что там хотя бы в базе и по капитану?

– Корабль-разведчик класса «Тор», – бодро ответила синтетическая «девица», – серийный номер 324ТОР355178, силовая установка конструкции Хайма-Дрешера третьего поколения, построен на верфях Маробод-13/495 цельнопечатным способом, дополнен орудийными системами «Гештерн» и изыскательским оборудованием корпорации «Сима».

– Как я и думал, корпоративная разведка.

– Ископаемые искали? – уточнила вдруг Маритта. – Что там у вас? Почему я не слышала и не видела ничего до последнего момента?

– Вики только сейчас полностью синхронизировала все системы, – пояснил Шершень. – Да, эти ребята искали ресурсы на дальних рубежах. Обычное дело. Забрались далеко, но мароманны еще те авантюристы.

– Мароманны? – Маритта удивленно хмыкнула. – Всегда считала их живыми роботами.

– Ты путаешь их с сайтенами.

– Ничего я не путаю. Сайтены – совсем другая песня, киборги, а эти живые, но все равно... Короче, я думала, они тоже только по программе работают.

– В армии – да. Дисциплина железная. И на Марободе порядок превыше всего. Но в свободном плавании они азартные ребята. Они ведь себя сверхлюдьми считают. Риск и самонадеянные подвиги – их стихия. Эти, как видишь, дорисковались. Вики, что там в капитанском файле?

– Судно имеет собственное название «Стальная бабочка». Капитан Гюнтер Герцог. Вот объемное воспоминание о его внешности и манерах...

– Я не вижу ни хрена, – шепнул первый боец. – Это что такое – «воспоминание»?

– Типа объемного видеоролика, – шепнул другой вильдер. – Только прямо в мозгах, в памяти, будто бы ты лично его знал. Нам такая хрень недоступна.

– Объемная фотка лучше.

– Кому как...

Отреагировав на комментарии вильдеров, Вики подвесила посреди рубки чужого корабля объемное изображение. Бойцы почти одновременно удовлетворенно хмыкнули.

– Последний рейс начат двадцать пять циклов, семь двенадцатых и пять тридцатых назад от текущей даты, – продолжила Вики. – Запись файла прервана шестью двенадцатыми позже.

– Это что же получается, посудина висит здесь уже четверть века, и никто не наткнулся? – вновь удивилась Маритта.

– Это получается еще и какая-никакая историческая ценность, – сказал Шершень. – Значит, ее стоимость растет. Мне это нравится. Вики, у тебя все?

– Нет, капитан. Есть смежная информация из виртуального пространства Маробода. Полцикла назад судно было найдено и даже обследовано разведкой мароманнов, но почему-то оставлено ими на месте. Официальная версия: нагрянул Черный шторм и унес судно в опасную зону. Разведчики рисковать не решились и заново вылавливать улизнувшего «голландца» не стали.

– Бредовая версия, – Шершень фыркнул. – Какой может быть Черный шторм в этом секторе? Пекло в трех плевках, кругом газовые облака светятся. Иллюминация, как на празднике. Откуда здесь темная материя? Да еще настолько нестабильная!

– Думаю, поместив этот рапорт в свободный доступ, мароманны просто попытались предупредить, что сохраняют все права на корабль.

– Болт им в смазке, а не права! – Шершень вскинул руку и ударил по локтевому сгибу. – Вот такой! Это наш трофей! Не сумели его отсюда вытащить, их проблемы. А мы вытащим! Вики, буксировочные захваты активированы?

Вики почему-то не ответила. Мало того, перед глазами у Шершня больше не плавали подсказки дополненной реальности. Он видел интерьер корабля исключительно таким, какой он есть. Вдруг исчезла из эфира и Маритта.

Шершень зачем-то постучал по шлему, но никакого эффекта не добился. Связи с Вики не было. Между тем все реанимированные системы «Стальной бабочки» работали исправно. Они будто бы по-прежнему были связаны с системами Вики и получали от нее всю требуемую энергетическую подкачку.

Шершень краем глаза уловил изменение обстановки на мостике и обернулся к главному экрану. Здесь он был архаичным, псевдообъемным, имитирующим фронтальный иллюминатор, во всю стену напротив кресел капитана и пилота. Экран сначала потемнел, затем раскрасился забортным разноцветьем и обрел фальшивую глубину. Шершень увидел фантастический пейзаж сектора и свой корабль, медленно подплывающий к «Стальной бабочке». Все бы ничего, но виртуальную проекцию Вики сопровождала метка прицела и комментарий «вероятный противник», написанный по-мароманнски.

Остались ли на борту «Стальной бабочки» действующие орудия или торпеды, Шершень не знал. Логика подсказывала, что нет, да и Вики вроде бы ни о чем таком не сообщала. Но между лопатками у капитана застрял холодок.

Экран вдруг погас, словно и не включался вовсе, а за спиной у Шершня началась какая-то возня. Он ничего не слышал и не ощущал движения воздуха. Разреженные остатки корабельной атмосферы слабо передавали колебания, а уж звуки и подавно. Но Шершень уловил вибрацию палубы.

Он резко обернулся и вскинул руку. Оружейный блок на запястье вмиг сформировал абордажное травматическое оружие и четко вложил его в ладонь капитану. Вот только в кого стрелять, оружейный блок не подсказал. Стрелять было не в кого, хоть и творилось явно что-то неладное.

Оба бойца-вильдера беспомощно трепыхались, зависнув в полуметре над палубой. Причем они не просто поднялись, а еще и перевернулись вверх тормашками. Учитывая, что сам Шершень оставался в нормальном положении, списать все на отключение систем искусственной гравитации было нельзя. Да и не плавали вильдеры по рубке, а именно висели. На одном месте. В точности как сама «Стальная бабочка» висела в пространстве. И, как и мароманнскому кораблю-разведчику, вильдерам явно не хватало кислорода. Ведь шлемы у обоих были открыты и бойцы пытались дышать тем, что оставалось в корабле, – разреженной смесью углекислоты и азота.

Лица у обоих вильдеров отекали и сделались синюшными, глаза вылезли из орбит, а языки вывалились. Шершень не слышал их хрипов, но видел, что дышат они часто и неглубоко. Если не закрыть шлемы, до печального финала им оставались считанные секунды. Но закрыть прозрачные забрала вильдеры не могли, хотя оба старались изо всех сил. Злосчастные шлемы будто бы заклинило в открытом положении.

«Вот что значит устаревшая техника», – подумал Шершень и подался было вперед, чтобы помочь бойцам, но не сумел сделать и полшага. Ботинки словно приклеились к палубе. Капитан дернулся пару раз и замер, озираясь. Каким бы странным ни было происходящее, ему должно найтись разумное объяснение. Подвесить вильдеров можно только с помощью силового поля. Но такие вещи не возникают сами по себе, а генерируются приборами – значит, следовало искать источник. Кстати, этот же источник мог обрубить связь с Вики и примагнитить Шершня к месту. Вот только где его искать?

Шершень приказал автономному синтетику скафандра сменить фильтр в визоре. В инфракрасном режиме ничего примечательного поблизости не обнаружилось, и капитан приказал менять фильтры каждую секунду.

На шестом фильтре, ультрафиолетовом, Шершень скомандовал «стоп». Ультрафиолетовая подсветка основательно преобразила интерьер, а главное – Шершень увидел то, что хотел. Вернее, того, кого хотел увидеть. Четвертого.

Высоченное, под потолок, существо в мароманнском парадном плаще с капюшоном стояло чуть правее зависших бойцов, вполоборота к Шершню, и, казалось, задумчиво разглядывало задыхающихся вильдеров. Что ж, наличие парадного плаща объясняло первую странность – то, что незнакомец был невидим в нормальном спектре. Мароманнские плащи были давно устаревшей технологической фишкой, поэтому сохранились только в музеях да в сундуках у

старых вояк, которые надевали их на слеты ветеранов. Но когда-то давно они были весьма популярны в армии Маробода как средство маскировки и дополнительной защиты.

Оставалось объяснить прочие странности. Во-первых, как незнакомец ухитрился дышать корабельной газовой смесью? Ведь его не коржило и лицо у него не синело... вроде бы.

Лицо его оставалось в тени капюшона, и понять, есть ли у незнакомца дыхательная маска, было непросто, но зато Шершень разглядел блеск глаз в этой тени. То есть это был как минимум гуманоид, а не какой-нибудь сложившийся на человеческий манер инопланетный членистоногий вроде кифера. Смущал рост под два с половиной метра, но это было допустимо, особенно для дактианцев.

Но что делал дактианец на вражеском корабле? Был в плену, но сбежал от нашедших «Тор» мароманнских разведчиков, когда те обследовали «летучий голландец», и спрятался на этом корабле? Или был в плену еще у первого экипажа «Стальной бабочки», в момент катастрофы валялся в анабиозе, а теперь проснулся и пошел посмотреть, где враги и кто там нагрянул к ним в гости? Версии можно было строить любые, однако Шершню сейчас важнее всего было понять, на каком языке разговаривать с этим человеком-невидимкой. А в том, что придется разговаривать, Шершень не сомневался. Другого выхода он не видел. Стрелять из абордажной пукалки в человека с генератором силового поля под плащом представлялось верхом глупости.

Незнакомец вдруг резко обернулся и уставился на Шершня. Капитан по-прежнему не видел его лица, только отблески белоснежных, будто бы даже слегка светящихся белков глаз. Но и этого смаглеру хватило, чтобы испугаться и слегка подпортить атмосферу в скафандре. Пожалуй, это все-таки был не человек. Но и не гуманоид вроде фортана. Кто же тогда? Шершень не мог и предположить.

Незнакомец высвободил из-под плаща руку – с нормальной пятерней, между прочим, все честь по чести – и едва заметно поиграл пальцами, будто бы приветствуя Шершня. Хотя вряд ли это было приветствие. Скорее очередная демонстрация силы. Сразу же, словно подчиняясь жесту, бронестекло на шлеме одного из вильдеров захлопнулось, а другой боец в последний раз конвульсивно дернулся и затих.

Что ж, это действительно впечатляло. Враг шевельнул пальцем – и ты труп. Или наоборот – живой, хотя был без трех секунд покойником. После таких фокусов определенно тянет на покорность и даже на подобоострастие. Так и хочется поклониться и спросить: «Чего изволите, хозяин?» Но Шершень удержался от поклона. Незнакомец явно собирался разговаривать с капитаном, а не убивать его. Раз уж оставалась возможность поговорить как деловой человек с деловым человеком, Шершень был намерен именно так и разговаривать. Пусть ему и было до чертиков страшно.

«А на схему «хозяин – раб» всегда успеем перейти. – Шершень попытался мысленно себя приободрить: – Не в таких передрыгах выживал. Тут пока и передрыги-то особой нет. Странно все и боязно слегка, но ведь ничего пока лично мне не угрожает... ну, чтобы вот так... напрямую, как вильдерам».

Выживший вильдер вдруг снова дернулся, и Шершень уловил, как в сторону незнакомца полетело что-то небольшое, продолговатое и явно острое. Похоже, бесстрашный боец метнул в противника кинжал. Как вильдер определил, где находится невидимка, осталось загадкой, так же как и то, куда подевался кинжал. Затерялся в складках плаща?

Враг никак не отреагировал на выходку отчаянного бойца. Он полностью сосредоточился на Шершне. Даже чуть подался вперед.

«Это неспроста, – мелькнула мысль у смаглера. – Начинаем разговор».

И Шершень не ошибся. Как незнакомцу удалось подключиться к синтетику скафандра, стало третьей или какой там... четвертой загадкой текущей минуты, но факт остался фактом. Шершень услышал глухой голос, который транслировался через систему связи скафандра.

Говорил незнакомец на языке мароманнов, но с отчетливым акцентом и строя фразы, как типичный смаглер. «Феня» была широко распространена именно в тех секторах, где промышлял Шершень.

– Убери оружие, Шершень, – почти без интонаций сказал незнакомец.

– Убрал, – оружие капитана трансформировалось и спряталось в наручный бокс-кобуру. – Ты откуда меня знаешь, бродяга?

– Я не бродяга, – глаза у странного собеседника, казалось, стали светиться чуть ярче. – Я ждал тебя.

Незнакомец еще немного подался вперед, и Шершень увидел не какие-то там отблески, а глаза собеседника в натуральном виде. Ну, насколько это возможно при ультрафиолетовой подсветке. И глаза эти показались ему знакомыми. Определенно сказать, кто сейчас смотрит из-под капюшона, Шершень не мог, но ему казалось, что он знает этого человека. И, кстати, Шершень почему-то резко поменял мнение и теперь был уверен, что это человек, а не какой-то там, прости господи, фортан или иной чужак.

– Вот прямо меня ждал?

– Тебя. Ведь ты Шершень. Известный смаглер неизвестного происхождения.

– Ишь ты, сформулировал! – Шершень усмехнулся.

– Ты принципиально не относишь себя ни к одной человеческой косморасе, но ты и не фортан, – спокойно продолжил незнакомец. – Ты утверждаешь, что наследник чистой линии землян. А иногда в подпитии заявляешь, что и вовсе стопроцентный человек. Ты много знаешь о Земле, как исторической, так и современной. И, по слухам, даже имеешь собственную базу на Колыбели, как называют Землю твои приятели смаглеры. Но на самом деле это все туман. Ты, Шершень, и впрямь провел на Земле много времени, но родился ты не там. Колыбель вообще должна быть для тебя кошмаром из детства. Ведь ты потерял там всех близких. Экспедиция, в которой участвовали твои родители, попала в засаду коренных землян. Почти все твои сородичи были убиты и скормлены гигантским насекомым. Помнишь? Выжили только дети, которые, с точки зрения землян, еще не были окончательно испорчены космической цивилизацией. Все так и было?

– Вроде того. – Шершень нахмурился и опустил потемневший взгляд. – Если скажешь еще, какой из цивилизаций я был испорчен до того, как попал на Землю, куплю тебе ящик лучшего пойла в знак признательности.

– Это неважно, какой из них. Если ты, Шершень, изначально был мароманном, в тебя не успели запихать всех положенных взрослому наноботов. А тех, что были в тебе с рождения, земляне каким-то образом сумели выкурить. Если же ты был дактианцем, все лишнее, по мнению землян, синтетические гены в твоём организме еще можно было заблокировать с помощью земных технологий. Насчет того, что ты был сайтенем или вильдером, сомнения более весомые. Все органы на месте, и не осталось шрамов после извлечения каких-либо агрегатов, которыми «укомплектованы» сайтены. Ну а за то, что ты не вильдер, сразу два факта: ты не слишком радиоактивен...

– Не все вильдеры сильно фонят... – Шершень прикусил язык, опасаясь, что слишком часто перебивает собеседника и тот рассердится.

– Не все вильдеры сильно фонят, но большинство все-таки очень радиоактивны. – Незнакомца не задело, что капитан его перебил. – И второй факт: вильдеры не снаряжают научные экспедиции, да еще на приличных прыжковых кораблях. Твои родители могли быть смаглерами, но тут возникает все тот же вопрос – смаглеры не бывают сами по себе, они отщепенцы одной из межзвездных рас. Но какой?

– Загадка всей моей жизни, – буркнул Шершень.

– Да, я знаю, Шершень. О своем происхождении ты действительно не имеешь четкого представления. Хотя что-то могло бы подсказать настоящее имя, но ты провел в плену все

детство. За долгие пятнадцать лет ты забыл свое первое имя, почти полностью идентифицировал себя с «новой семьей» и хорошо изучил земную жизнь. Иногда ты пытаешься вспомнить, кем ты был до злосчастной экспедиции, но тебе не удается. Так что отчасти ты говоришь правду. Ты скорее землянин, чем кто-либо еще. И этот факт, несмотря на всю браваду, тебя отчаянно угнетает. С годами желание узнать, кто ты на самом деле, становится навязчивой идеей. Ты понимаешь, что это ничего не даст, может даже навредить, но выкинуть пюнктик из головы ты самостоятельно не можешь. А кому-либо признаться в этом и попросить помощи тебе не дает имидж крутого смаглера. Казалось бы, есть простой и надежный способ узнать все и обойтись без чьей-то помощи – провести генетическую экспертизу. Но это значит – автоматически отправить информацию о себе в галактическую информационную сеть. Это поставит крест на твоей карьере смаглера. Ведь ты практически врубишь прожектор в ночи, на который немедленно слетятся все галактические полицейские. Так что тебе остается только вспоминать и собирать косвенные доказательства. Я прав?

– Ты психолог?

– Я прав?

– Ну, допустим, – нехотя признал Шершень. – И что дальше? Ты знаешь, кто я на самом деле?

– Знаю. Но не скажу. Это действительно ничего не даст. Поможет тебе не пустое знание, какой ты расы, а возвращение твоего настоящего «я». Хочешь, я сниму все психологические блоки, шоры и якоря? Хочешь, сделаю так, что ты вновь станешь цельной личностью, а не сэндвичем из Шершня и того мальчугана, имя которого ты намеренно забыл?

– Не намеренно, – угрюмо возразил Шершень. – Мне помогли.

– Ты хочешь стать собой в полном объеме?

– Искушаете, мессир. – Капитан взглянул на собеседника исподлобья.

– Не бойся, душу взамен не потребую. Ты поможешь мне, я помогу тебе. Разовая сделка.

– Это утешает, только... неужели ты ждал меня здесь ради какой-то разовой сделки?

– Ты можешь удивляться, Шершень, или не верить, но это так. Я изучил множество людей. Лишь один из тысячи оказался хоть как-то пригоден для дела. И лишь один из миллионов смог возглавить этих тысячных. Но сейчас мне нужны другие люди. Те, которых по одному на миллиард, а то и на целую расу.

– И я такой?

– Нет. Ты не настолько важный человек, чтобы я сделал из тебя ключевую фигуру, но ты все равно будешь полезен. Как я и сказал, в формате разовой сделки.

– Гора с плеч. Хотя, конечно, слегка обидно, что я не избранный. Пусть и неизвестно кем.

– Тебе лучше не знать, кто я.

– Это я уже понял. – Шершень взглядом указал на труп вильдера. – Что я должен сделать?

– Ты завершишь начатое: возьмешь «Стальную бабочку» на буксир и приведешь сцепку в спорное пространство на границе владений Маробода и Аррадакта. Это опасно, но там для твоих пассажиров есть дело.

– Они тоже избранные? – Шершень удивленно поднял бровь.

– Только их предводительница. Она как раз одна на миллион вильдеров с лун Тиссоны. Что, согласишься, солидно относительно их общей численности в системе Велунда. Планета, к которой ты приведешь нашу сцепку, называется Терранова. Она почти поровну разделена между мароманнами и дактианцами.

– Да, да, я знаю.

– Ты незаметно высадишь своих пассажиров во владениях Аррадакта. Местность обозначена на дактианских картах как сектор Эпсилон. Это большая горная страна к югу от Терраполиса, столицы колониальных владений дактианцев на планете.

– Незаметно высадить чужаков почти в центре дактианской колонии? – Шершень хмыкнул. – Серьезная задача. Боюсь, это что-то вроде самоубийства.

– Не бойся, – перебил капитана незнакомец. – План полета и маневра я передал твоей Вики. Все пройдет гладко. Тебе не мешает даже Сайрус Рем.

– Терранову охраняет Сайрус?! – Шершень вытаращился на собеседника. – Тогда это точно самоубийство! Об этом дактианце ходят легенды. Его уважают даже мароманны!

– Даже самого лучшего бойца можно переиграть, – спокойно парировал незнакомец. – Действуй по плану, и все получится. После высадки десанта нашу сцепку следует разорвать. Ты оставишь «Стальную бабочку» на орбите второго спутника планеты. Но учти, Шершень, в тот момент мы не расстанемся. Ты перейдешь на «Стальную бабочку», а свой корабль отправишь к торговым причалам станции «Мойра», которая дрейфует вблизи главного межзвездного портала в секторе Террановы. Там полно разных судов, и на твою «Викторию» никто не обратит внимания.

– Ты возьмешь меня в заложники? – Шершень поежился.

– Нет, просто на время ты станешь моим пилотом. До тех пор, пока не придет пора забрать вильдеров с Террановы.

– Пилотом. – Шершень недоверчиво хмыкнул. – Но по совместительству все-таки заложником. Это меня не устраивает. Я не настолько уверен в вильдерах, чтобы отвечать за них головой.

– Меня не волнует, что тебя устраивает, а что нет. У тебя будет время, чтобы тщательно подготовить вильдеров. Прыжок к Терранове займет целые сутки. Но учти, Шершень, и в прыжке, и после я буду следить за тобой очень внимательно. Если ты надумаешь поменять планы, с тобой случится... неприятность. Смертельная неприятность.

Незнакомец усмехнулся, вновь высвободил из-под плаща руку и щелкнул пальцами. Звук Шершень не услышал, но зато увидел последствия щелчка – довольно яркий спецэффект. Висевшие до сих пор вверх ногами вильдеры – и живой, и мертвый – вдруг вспыхнули, словно сгустки плазмы. Не прошло и пары секунд, как от обоих бойцов остались только серые тени на стене.

– Ты босс, – хрипло сказал Шершень и поклонился.

– Иди, – глухо сказал незнакомец. – Когда вильдеры закончат работу, ты станешь другим человеком. Я выполню обещание...

Шершень почти не помнил, как вернулся на «Викторию». Он вообще отошел от странной встречи и начал нормально воспринимать окружающую обстановку только после того, как Маритта ощутимо ткнула его в бок. Да не раз.

– Что случилось, почему вы не отвечали, где мои бойцы?! – насела Маритта.

– Там... самопроизвольно включился силовой генератор, – выпалил Шершень. – Замкнуло от старости. Пока возились, пытались отключить... вот и зависли.

– А бойцы мои где?!

– Остались на борту, – Шершень отвел взгляд. – Там надо порядок навести, оружие перебрать... в смысле, сосчитать, смазать... там много оружия.

– Ой, темнишь ты что-то, – Маритта уставилась на капитана. – Силовое поле... ты имеешь в виду мину? Корабль был заминирован?

– Нет, просто мы сунулись в трюм, а там целый арсенал... ржавый весь. Ну вот и влипли.

– Шершень! – Маритта положила руку на рукоять любимого кинжала. Одного из двух любимых предметов, вечно болтающихся у нее на поясе. Это была своеобразная «пара» – кинжал и сложенная в десять раз секира-трансформер. – Спрашиваю последний раз. Бойцы живы?!

– Нет, – выдохнул Шершень и помотал головой. – Но это не моя вина. Они сами туда поперлись. Я не разрешал.

– Все ясно, – Маритта помрачнела. – Хоть стоящий приз-то?

– Раз в жизни такой выпадает. – Шершень хмыкнул.

– Скидку увеличишь до двадцати процентов, – заявила вильдерша. – И не спорь! Ты виноват или они сами, не имеет значения.

– Хорошо. – Шершень был рад такому компромиссу и поэтому тут же как бы зафиксировал соглашение, переключившись на другую тему и даже на другого собеседника. – Вики, у тебя есть новости?

– Да, капитан, – мурлыкнула Вики. – Известный вам заказчик прислал координаты, план операции, а также смету. Формирую отчет.

Шершень внимательно изучил объемную проекцию в личном дополненном пространстве, а затем коротким жестом выкинул часть картинки в общее дополненное пространство рубки. Маритта с интересом уставилась на довольно длинный ряд цифр, после которого стоял значок виртуальной галактической валюты.

– Нравится сумма? – Шершень покосился на вильдершу.

– Ничего так, – Маритта осторожно склонила голову чуть набок. – Это кому и за что?

– Это вам, если подпишете контракт.

– Вот как. – Вильдерша усмехнулась. – Не успели прилететь на новое место в поисках работы, как получили контракт? Работа нашла нас сама?

– У нас так часто бывает. – Шершень развел руками. – Это тебе не на Гамилькаре от скуки стричь из пулеметов газоны и ждать, когда что-то наклонится. Работы здесь много, Секира, и вся стоит приличных денег, привыкай. Ну так что, ты согласна?

– А что за работа?

– По профилю, не переживай. Надо высадиться на одну дактианскую колонию. Подробности на месте.

– На дактианскую колонию? – Маритта снисходительно ухмыльнулась. – Это значит, что против нас будут ботаники с живым оружием?

– Это значит, вам придется увидеть много чудного, на ваш вкус, но воевать придется всерьез. Недооценивать дактианцев – большая ошибка, Маритта.

– Мы справимся, – уверенно заявила вильдерша. – Половину денег сразу.

– Уже поступили на твой счет. – Шершень кивком указал на новый ряд цифр, которые вспыхнули внутри условного обозначения кошелька. – Приложи руку к проекции.

– Как же к ней приложишь руку, если это... просто воздух. – Маритта поморщилась и поднесла руку к проекции. – Все у вас, цивилизных, какое-то ненастоящее! Так?

– Правильно, – Шершень кивнул. – Вики, зафиксируй.

– Госпожа Маритта, теперь этот счет ваш, – пропела Вики. – Он действует во всех платежных системах всех обитаемых миров, достигших соответствующего технологического уровня.

– «Госпожа»... ну надо же... – Маритта слегка порозовела от удовольствия. – А вообще-то... с такими бабками я и впрямь госпожа. Осталось только...

– Исполнить контракт, – закончил вместо нее Шершень. – По местам стоять. Вики, курс на Терранову.

Глава 1

Командор Макс Хауэр, биометаллический гость

Штурмовой отряд рассыпался по каменистому ущелью, и у командора Макса Хауэра не осталось никакой реальной возможности им управлять. Это было невероятно, но факт – самая надежная в галактике система боевой связи отказала. Полностью. Наглухо. Бойцы и робокриги действовали по единой программе, поэтому видимость организованной деятельности сохранялась. Но с этой минуты подразделение уже не было одной большой машиной, оперативно-тактической единицей на поле боя. Без команд Хауэра отряд мог реагировать на изменение обстановки только частично, каждое подразделение – на своем участке. И это не сулило мароманнам успеха. Более того, им светило полное фиаско. Ведь в усеянном скалами и каменными обломками каньоне сама природа дробила подразделения на совсем уж мелкие группки. Просто подарок – зажимай поодиночке и уничтожай.

Но противник почему-то не спешил пользоваться преимуществом. Он вообще вел себя странно. Имея трехкратный перевес в бойцах и живых машинах поддержки, в том числе летающих, и отлично понимая, что у мароманнов возникли непредвиденные трудности, дактианцы не атаковали. Даже наоборот, враги пятились, втягиваясь в опасное дефиле – самую узкую часть ущелья. Будь у Хауэра связь, он мгновенно воспользовался бы этой оплошностью врага и отправил бы на скалы, что возвышались над узким проходом, два десятка робокригов. Для боевых шагающих роботов стало бы плевым делом уничтожить с господствующей высоты пятящихся дактианцев. Но связи у командора не было. А еще ему почему-то не хотелось уничтожать дактианцев.

И это было невероятно, но опять же факт. Минуту назад Хауэр просто кипел от желания передавить всех этих «зеленых человечков», как клопов, вместе с их «полуживыми» машинами-биониками, а теперь его охватило странное благодушие. Ничего подобного он не испытывал, даже когда удавалось выиграть сражение и потери были минимальными. Да, в этом случае Хауэр бывал снисходителен к побежденным, приказывал добивать только биоников. Ведь эти тупые организмы не знали, что такое сдаться в плен. Но благодушие... нет, об этом никогда не было и речи. Дактианские пленники рассматривались исключительно как обменный фонд в пропорции примерно три к одному. Ведь мароманны в плен к дактианцам попадали гораздо реже. Так что одним «зеленым» больше, одним меньше – не принципиально, а потому шаг влево или вправо карался по всей строгости военного времени. Никакого благодушия. И вдруг что-то накатило. Будто бы во сне.

Хауэр насторожился, но мысль обработать не успел. На него снова накатило нечто неведомое, но такое же сильное, как и предыдущее чувство. Ага! Теперь это был отчетливый сигнал интуиции. Макс прямо так и решил, сразу, без лишних сомнений – это интуиция. И Хауэру сразу стало понятно, что предыдущая волна была тоже волной предчувствия, а не благодушия. Он вдруг понял, что буквально через минуту или две дактианцы могут сыграть роль отвлекающих целей. Краем глаза Макс уловил отсвет, который быстро превратился в свечение.

Хауэр обернулся и рефлекторно вскинул оружие. Два робокрига огневой поддержки в точности повторили движения командора и так же, как Хауэр, зависли, не понимая, во что им целиться. По ущелью достаточно быстро разливалось непомерно яркое свечение неизвестной природы.

Хауэр вдруг почувствовал себя как-то странно. Он будто бы подключился к оптике люфтваффел-корректировщика, кружащего в небе над каньоном. Макс точно знал, что нет связи с бойцами – живыми либо синтетическими. И в то же время он видел поле боя, себя, своих воинов и накатывающую на них огненную волну как бы со стороны и чуть сверху. Он будто бы

вдруг превратился в неведомого наблюдателя, который затаился где-то наверху, между камнями над обрывом.

Все это было странно, опять же словно в каком-то дурном сне, но самое необычное заключалось в другом. Это ведь Хауэр только так сформулировал «я вижу». На самом деле он воспринимал происходящее в каньоне абсолютно непонятным образом. Это было не видение, как его понимают люди или другие существа, обладающие глазами, а загадочного рода *восприятие*. Недоступным человеческому пониманию образом Макс воспринимал все, что происходило внизу, в ущелье, и знал – именно знал, а не догадывался или предполагал, – что дело плохо.

Стена ярчайшего, запредельно горячего огня двигалась фронтом от стены до стены, высотой вдвое больше глубины каньона и полосой метров тридцати от переднего края до тыла. И после этой огненной зачистки дно и стены ущелья выглядели как дымящийся, покрытый толстым слоем расплавленного стекла гладкий желоб. Без всяких признаков скал или других неровностей. Какое оружие создавало этот странный плазменный каток, Хауэр не знал и даже не догадывался. Но вряд ли это делало какое-то оружие дактианцев. «Зеленые» были растеряны не меньше, чем бойцы Хауэра. В этом Макс убедился, когда вновь обернулся. Невольно, а не в поисках поддержки у врага. Впрочем... может быть, подсознательно он и искал ее, хотя бы в виде информации. Если говорить проще, хотя бы в виде ответа на вопрос: «Алло, животноводы, вы не в курсе, что это за чертовщина?»

Похоже, дактианцы тоже не знали ответа. И не искали его. Они в панике карабкались на скалы, пытаясь выбраться из гиблого каньона. Хауэр отлично понимал, что огненная стена настигнет дактианцев гораздо быстрее, чем они доберутся хотя бы до середины подъема. Им могли помочь летающие бионики, но боевых птиц отвлекали на себя люфткирги-истребители. Они продолжали воздушный бой, лишая дактианцев последней надежды на спасение.

Кстати, и бойцов Хауэра летающие машины спасти не могли. Ведь они не умели самостоятельно анализировать ситуацию, а приказать им Макс не мог, не было связи. Получалось, что наземная часть отряда была обречена погибнуть на виду у отважно сражающейся в небе воздушной части. Отчаянно глупая ситуация!

А ведь можно было научить робокригов и летающие машины элементарным жестам. Сейчас махнул бы им «Ко мне» – и все проблемы решены. Но нет, весь расчет был на высокие технологии, на самую надежную в галактике связь между живыми носителями и засевшими у них в мозгах синтетиками, которые, в свою очередь, всегда на связи с другими синтетиками, где бы ни находились. Какие тут жесты, зачем это вильдерство, этот примитив, этот каменный век, если достаточно мимолетной мысли-приказа? А вот гляди-ка: примитив примитивом, а мог бы сейчас пригодиться!

Хауэр вновь переключился с *восприятия* на видение, то есть как бы вернулся в свое тело, развернулся лицом к огненной стене и вдруг увидел Бориса Бозе, доктора отряда. Он стоял всего на шаг левее и на шаг ближе Макса к огненной стене, поэтому командор без труда разглядел профиль доктора. Свет огненной стены был настолько ярким, что не помогали даже мощные светофильтры забрала боевого шлема. Казалось, что лицо доктора сделалось полупрозрачным. Макс видел, как пульсируют просвечивающие сквозь кожу сосуды, видел пучки лицевых мышц и очертания костей черепа. Но главное – Макс видел, что доктор стоит с закрытыми глазами. Нет, Бозе не жмурился от страха, ведь оружие он держал наготове, да и на полупрозрачном лице у него отражалась решимость. Но складывалось впечатление, что броситься на неведомого врага доктор решил с закрытыми глазами.

– Закрой глаза, и ты увидишь, – каким-то не своим голосом сказал Бозе, не оборачиваясь и не открывая глаз, но обращаясь явно к Хауэру.

– Что я увижу?

– Почему ты не связался со мной? – вдруг послышалось откуда-то слева. – Тебе плевать?

Хауэр повернул голову и увидел Анну. Свою жену. Что она делала в этом странном месте? Макс подумал об этом уже в прыжке. Рефлексы заставили его броситься к Анне, чтобы спасти ее от неминуемой гибели в адском пламени, и не имело значения, реально это сделать или нет.

– Просто вдруг отказала лучшая в галактике система связи, – новый голос звучал насмешливо, доносился с тыла, а еще имел выраженный дактианский акцент. – Лучшая в галактике! А за ее пределами?

– Что за... черт?! – Хауэр сграбастал Анну в охапку, прикрыл собой и резко вскинул руку, целясь в дактианца, возникшего в трех шагах от Бозе. Внешность врага была какой-то размытой, нечеткой, будто бы Хауэр смотрел на него сквозь мутное стекло. Наверное, видимость искажало горячее марево, идущее волной впереди огненной стены. – Чего тебе надо? Кто ты?

– Спроси у него, – дактианец кивком указал на край обрыва.

Хауэр поднял взгляд, но не увидел никого и ничего, кроме скал. Или все же увидел? Да, вроде бы между скалами наверху кто-то был, но кто... этого Макс не рассмотрел.

– Ты опять думаешь о своей проклятой работе, а не обо мне, – обиженно сказала Анна, вырываясь из объятий Хауэра. – Хватит с меня, Макс, мне это надоело! Теперь я точно ушла от тебя! Окончательно! Не ищи меня!

– Нет, постой! – Макс схватил ее за руку, но тут же разжал пальцы.

Он пытался удержать вовсе не Анну. Это была абсолютно незнакомая ему шатенка. Тоже красивая и даже волнующая, но чужая. Более того, на ней была очень странная одежда, похожая на примитивный боевой костюм вильдера, а не на трансформируемую мароманнскую броню, пусть и с левым софтом на борту – многие дамочки-военные грешили любовью к серым прошивкам «от-кутюр».

– Что происходит? – Макс опять обернулся к доктору Бозе. – Борис, ответь! Это сон?

– Неважно, что это. – Голос у доктора по-прежнему был каким-то странным, не своим. – Важно, как этим распорядиться.

– Запомнить, – предложил дактианец.

– Это ничего не даст, – заявила женщина, в которую трансформировался образ Анны. – Надо войти в огонь.

– Ты саламандра? – Дактианец усмехнулся.

– Иногда, чтобы победить, надо умереть!

– Мертвые не побеждают, – вмешался в их короткий спор Бозе и вдруг открыл глаза. – Я увидел все, что нужно. Можно идти.

– Что ты увидел, Бобо? – Хауэр на миг зажмурился и помотал головой. – Чертов сон! Куда идти? Что за бред?!

– Согласен, сон дурацкий, – вставил комментарий дактианец.

– Нормальный, – чуть обиженно, словно оскорбленный автор, сказал Борис Бозе. – Вы просто не готовы, потому и не видите того, что вижу я. Закройте глаза, шагните в огонь. Там есть все, что нужно для понимания. Смелее.

– Нет уж, спасибо. – Дактианец сделал пару шагов назад.

– Выбора все равно нет. – Борис пожал плечами и взглядом указал назад.

Хауэр в очередной раз обернулся и увидел, что огненная стена окружила странную четверку персонажей странного сна. Макс снова *воспринимал* происходящее как бы со стороны и в то же время видел огненную стену своими глазами. Раздвоение – не самое приятное и довольно непростое для осмысления состояние, но Макс не привыкать. Ведь он неплохо натренировался в подобных делах, общаясь со своим вживленным синтетиком-компаньоном как с отдельной личностью. Нет, там раздвоение восприятия реальности не настолько мощное, но базовую подготовку, если можно так выразиться, Хауэр имел.

Огненный круг сжался до минимума, пламя охватило командора Хауэра с ног до головы, но он не почувствовал жара или боли. Он окончательно понял, что это все кошмарный сон, который вот-вот закончится. Так и вышло. Ярким пламенем полыхнула вся воображаемая картинка и...

Командир Особого штурмового отряда Ударной группы «Север» Макс Хауэр проснулся. Надо заметить, что проснулся в прескверном настроении, поскольку элементарно не выспался. Обычно на восстановление сил, приведение в порядок мыслей и подзарядку энергоемкостей технооболочки ему хватало двух часов. Сегодня он бессовестно продрых все три, но в голове по-прежнему была каша, а в теле не было легкости, ведь спал он условно. Из-за странного сна он больше ворочался, чем спал. Единственное, что восстановилось, как обычно, на сто процентов, – заряд энергии. Нанороботы не вникали в проблемы носителя, делали свое дело при любом настроении хозяина. Положено было подзарядить энергетическую систему электронно-механической части организма, они подзаряжали, а сны и настроение – функции чуждого им порядка. Атавизмы, связанные с человеческой сущностью носителя. Совокупный синтетический разум, составленный из триллионов ячеек – процессоров каждого из наноботов, относился к потребностям живого носителя более уважительно, чем его отдельные составляющие, но суть была примерно та же. Техническая оболочка не вдавалась в психологические нюансы, мешавшие спать биологической основе. Синтетик просто констатировал факт и предлагал решение проблемы.

Например, сейчас техническая составляющая бинарного разума Хауэра предлагала повысить уровень сахара в крови и перераспределить энергию с помощью одной из внутренних колоний наноботов. А затем – подать усиленный импульс на нервные окончания и подстегнуть водитель ритма в сердце. Грубо говоря, прищипорить организм легким разрядом тока, чтобы тот взбодрился.

Все в духе машинного разума, что тут добавишь? Почему носитель пребывает в плохом настроении, что ему приснилось или что расстроило еще накануне – синтетику было плевать. Он смотрел на проблемы с технической точки зрения и решения предлагал такие же, механические, в стиле «против лома нет приема».

Хауэр отклонил предложение синтетики и решил проблему по-своему. Заставил себя подумать о хорошем и выполнил несколько физических упражнений на растяжку и со свободными весами. А затем приказал всем наноботам внешнего базирования собраться в стандартную конфигурацию, чтобы не мешали хозяину наслаждаться утренним душем. Гигиенического значения эта процедура давно не имела, наноботы и без того удаляли с кожи и пот, и грязь, и жир, но традицию принимать душ до сих пор никто не отменил. И почему этого не сделано, не понимали, пожалуй, только синтетики.

По коже побежали мурашки, но длилось это недолго. Секундой позже Макс был готов к водным процедурам. Вместо сформированной из наноботов просторной ночной одежды на нем теперь были только слегка светящиеся узоры, наподобие татуировок, которыми щеголяли древние воины-маори. Именно так выглядела стандартная конфигурация базирования внешних колоний наноботов на теле любого мароманна. Агрессивные хитросплетения узоров покрывали практически все тело, в том числе лицо, но кое-что все же оставалось неприкрытым. Так что Хауэр под душем был скорее голым, чем одетым. Во всяком случае, вода имела приличные шансы попасть именно на кожу.

Душ окончательно привел Макса в чувство. Яркие фрагменты сновидения померкли, отделились и частично забылись. В памяти остались только самые странные или принципиально важные элементы кошмара: неуютное, двойственное ощущение, что видел все одновременно своими глазами и вроде бы со стороны, причем условными «глазами» неведомого существа, плюс собственное непонятное отношение к заклятым врагам дактианцам.

Ну и, конечно, частично разрешилась проблема с Анной. Если первый и второй элементы сна – вычурные загадки, то присутствие образа Анны легко объяснимо. Ведь с ним связаны самые тяжелые переживания предыдущих суток!

Нет, глодавшая Макса тайная проблема не стерлась, но теперь, при относительно свежей голове, она хотя бы не угнетала и не выбивала из колеи. Хауэр будто взглянул на себя и на эту проблему со стороны. А всего-то – бодрящий душ. Чудеса психологии какие-то.

– А тебе только бы током бить, – проворчал Макс вслух и взглянул в зеркало, но не столько на себя, сколько на свои узоры. – Одно слово – синтетик.

Он часто так делал. Не то чтобы в этом узоре он видел условное «лицо» своего личного синтетика, но все равно обращался к коллективному разуму наноботов именно перед зеркалом. Глядя одновременно на узор и на себя: высокого, широкоплечего, в меру мускулистого, не красавца с рекламной картинки, но зато абсолютно мужественного воина в расцвете сил. К тому же Макс укладывался в идеальные параметры расовой чистоты: был голубоглазым блондином с правильными чертами лица. Эталонный мароманн. Во всех отношениях.

«Вот только грешит привычкой разговаривать со своим синтетиком, – мысленно добавил Хауэр и также мысленно приказал зеркалу исчезнуть. – Обоюдный осмотр окончен. Я насмотрелся, и тебе хватит на меня глазеть».

Разговаривать с синтетиком в режиме диалога считалось довольно сомнительной странностью. Нет, к психиатрам за это не отправляли, но покрутить пальцем у виска вслед могли. Однако Хауэра это не смущало. Человека его положения и профессии вообще мало что смущало. Когда ты на передовой и каждый день может стать последним, начинаешь ко многому относиться проще, а жить – как считаешь нужным. Без оглядки на пустословов, которые будут тебя впоследствии обсуждать.

Да, командор Макс Хауэр говорит со своим синтетиком, когда периферия трансформируется в стандартную конфигурацию. То есть когда Макс раздевается догола. Ну и что? Кто-то под душем поет, кто-то – разговаривает. Нет, Хауэр не спрашивает интимного совета. Когда он раздевается вместе с женщиной, синтетик вообще переходит в спящий режим. Еще версии? Нет? Тогда идите по своим делам. Не мешайте командору думать. Да, стоя в душевой голышом перед зеркалом и беседуя практически с самим собой! Идите уже, идите! Или схлопочете сейчас обвинение в подрыве нацбезопасности с помощью словесного саботажа мыслительной деятельности ответственного лица.

«Сушить! – Сверху ударил поток теплого воздуха, и Макс блаженно сощурился. Воздушное полотенце было таким же пережитком прошлого, как и душ, высушить хозяина за три секунды могли и наноботы. Но ведь душ – это не форсирование водной преграды, после него хочется именно высохнуть. Медленно, как под солнцем и ветерком на курортном пляже, а не поскорее удалить влагу. – Самому додуматься было трудно? Или ты решил, что мне надо подольше оставаться мокрым, раз вода повышает настроение? Бездушный техноразум. Тупой вычислитель. Пусть ты вычисляешь ходы не как твои далекие предки, последовательно, а почти по-человечески, но все равно вычислитель, и только. Что молчишь? Нечем крыть?»

Стенка душевой кабины на секунду вновь сделалась зеркальной, и Хауэр краем глаза оценил конфигурацию и цветовую гамму «татуировок». Узор на теле остался прежним, лишь немного изменил фоновый оттенок, сделался лиловым. Крыть синтетическому разуму было нечем, но просто отмолчаться он не мог. Живой компаньон обращался мысленно и с риторическими вопросами, но ответная реакция даже на такие вопросы была запрограммирована. Хотя бы изменение оттенка узора, но «вынь да положь».

Воздушное полотенце наконец отключилось, и душевая кабина исчезла с запрограммированным Анной спецэффектом – будто бы рассыпалась на мелкие хрустальные кубики. Макс шагнул в прихожую и разрешил наноботам сформировать повседневную униформу с традиционным широким и красивым офицерским поясом, на котором с помощью все тех же затейли-

вых узоров отображались личные данные Хауэра. В командорские линии вплетены понятные личным синтетикам мароманнов и сканерам внешних синтетических разумов коды с именем, фамилией, званием и номером части. А также в узоры зашифрованы биометрические показатели и технические характеристики колоний личных наноботов Хауэра.

Будь Макс не на службе, выставлять все эти сведения напоказ было бы необязательно, но военный есть военный. Требования к внешнему виду едины для всех, от рядового до генерала. И вне зависимости от пола, кстати сказать, что часто огорчало женщин-военнослужащих. Они так и норовили прикрыть рукой ту часть биометрического кода, в которой был указан возраст.

Макс снова помрачнел. Затолкать проблему куда подальше определенно не получалось. Стоило ему подумать о том, что в армии славного Маробода служат лица другого пола, проблема вновь дала о себе знать. И имя этой проблеме – Анна. Вчера около полудня от легендарного, непобедимого и весьма уважаемого практически на всех фронтах командора Хауэра сбежала жена. Подленько так, втихаря, и, что самое обидное, не к маме на Юнгфрау или просто куда-нибудь на гражданское место жительства. Да, так нередко поступали уставшие от походной жизни жены застрявших на передовой офицеров. Понять их было можно. Ведь даже когда Ударная группа базировалась на какой-нибудь планете, жизнь у жен была не сахар. А уж на космической базе и вовсе тоска. Но эти жены бежали от бытовой неустроенности, а не от мужей как таковых. А жена Хауэра смылась именно от него и рванула напрямик в столицу.

Почему особенно обидно, что Анна сбежала именно на Маробод? Да потому, что увез ее туда какой-то придворный хлыщ. Нет, если бы хлыщ увез жену Хауэра на другую планету, было бы тоже обидно, но тут имелся тонкий момент. Макс был уверен, что никуда, кроме Маробода, жена не полетела бы. Все прочие планеты Диктатуры были ей неинтересны. Практически на всех она побывала и ничего подходящего ее запросам не нашла ни на одной. Соблазнить ее можно было только блистательной столичной жизнью. И не просто столичной, а в пределах Семи колец или вовсе внутри Цитадели народного диктатора Зоттана. Вот заезжий хлыщ и надавил на единственную, но настоящую мечту Анны. Да так надавил, что из семейной жизни брызги в стороны полетели. Как из раздавленного помидора. Сволочь столичная!

Хауэр походя закинул в рот пару пищевых таблеток «Кифбур» и направился к выходу из своих командирских апартаментов. Кстати сказать, апартаментов просторных и оснащенных так, что подружки жены лопались от зависти. И чего не жилось?! Направился к выходу он решительно, с твердым намерением оставить хандру в пределах дома.

Синтетик опять предложил какую-то схему с внутренней стимуляцией какого-то там участка коры головного мозга, но Макс даже не стал вникать, просто отмахнулся. У него было достаточно обычных, человеческих схем, которым его любезно обучил доктор Борис Бозе, штатный врач отряда, а заодно один из двух давних, что называется с пеленок, друзей Хауэра.

«Три плюса, – вспомнил Макс простейшую из схем доктора. – Найди три плюса, пусть самых ничтожных, и зафиксируй на них внимание. Через час ты будешь считать, что это именно то, ради чего стоило все изменить, ради чего Вселенная и организовала тебе испытание, ради чего, собственно, только и стоит жить дальше. Итак, пробуем. Плюс первый: зато теперь можно не забивать голову множеством мелочей. Например, завтракать на ходу, как все нормальные офицеры-холостяки. Приходить домой, когда вздумается. И не тратить все жалование на ее капризы, вместо того чтобы купить то, о чем мечтаешь вот уже... сколько мы были женаты... двенадцать циклов? Если говорить по старинке – двенадцать лет!»

Макс представил себе страшно дорогую программу «Раритет-принт» и на миг даже зажмурился от собственной смелости. Купить этот софт, распечатать с его помощью мечту и напичкать ее наноботами специальной версии – приобретаются отдельно, зато вместе с собственными программами – раньше Хауэр не мог и мечтать о таком «подвиге». Анна съела бы за такой поступок живьем. Вместе с наноботами, потрохами и непривлекательным содержанием этих самых потрохов. Зато теперь... автомобиль! Настоящий! Ну, то есть предельно

похожий на оригинал! Архаичная гремющая телега, невероятное сочетание железа, пластика и натуральной кожи, чудовищное порождение древней цивилизации, технологически абсурдное, но такое волнующее и, о господи, бензиновое, было практически в кармане. Максимально точная копия! До последней молекулы. И не проблема, что негде взять тот самый, как в древности, бензин – его аутентичный состав почему-то в программу не заложен. Единственное отступление не испортит кайфа. Синтезировать похожий, и вперед! В боевом отсеке базы, где проводятся маневры десантных групп и робокригов, есть отличная трасса с уймой программ трансформации. Облачная имитация сформирует любые объемные пейзажи вокруг объектов на трассе, а силовые генераторы создадут иллюзию нужной гравитации, давления, капризов атмосферы и всего прочего. Можно будет мчаться в полной уверенности, что едешь по горному серпантину где-нибудь на Геликоне, а затем вдруг вылететь на знаменитый поднебесный мост вечно дождливой Хрустальной Чаши и вжарить наперегонки с молниями. Или, наоборот, нырнуть в прозрачную трубу и зажечь по дну Великого моря на Аквариусе, соревнуясь с уродливыми рыбинами. Масса положительных впечатлений гарантирована.

Поможет ли такой всплеск эмоций забыть Анну? Нет, наверное. Забыть не получится, но пережить ее предательство поможет наверняка. Если, конечно, свято верить в квалификацию доктора Бозе, придумавшего всю эту психотерапию.

Что ж, с этим все было в порядке. Советы доктора работали всегда, с самого сопливого детства. Борис уже тогда был не по годам мудрым, и друзья частенько просили у него совета. Даже мечту, если честно, Макс выдумал с его подачи. Это ведь Бозе был большим любителем истории и всяких древних фетишей. Еще в детстве стал таким сам, а затем подсадил в большей или меньшей степени на все эти глупости своих друзей. Но Хауэр был благодарен за это Борису. Мечта у человека быть должна. И желательно несбыточная. Иначе он затоскует, оттого что не к чему стремиться, и станет одним целым со своим синтетиком, фактически превратится в биоробота. А оно человеку надо?

Хауэр шагнул за порог и тут же, как и собирался, отбросил личные переживания. Для всего мира Макс Хауэр был brutальным громилой. Суровым, бесстрашным, сильным и уверенным в своей правоте. Короче говоря, он был идеальным мароманном. Эталонным во всех отношениях. В то, что творится у него сейчас на душе, не поверил бы никто. Ну, кроме доктора Бозе и второго старого друга со звучной фамилией Герцог.

Кстати, начальник разведки Ударной группы «Север» Руперт Герцог как раз вчера прилетел на передовую космическую базу «Бронированная звезда» и пожелал видеть старого друга у себя в кабинете. Вот к нему с утра пораньше и направился командор Хауэр.

* * *

В далекие времена, когда космические базы были только форпостами, которые защищали и снабжали энергией большие межзвездные порталы, их конфигурацию подгоняли исключительно под главные задачи. То есть целесообразность, уровень защиты и сферический сектор обстрела были куда важнее эстетичного внешнего вида. Со стороны такие монстры выглядели как нагромождение модулей разного назначения, прикрытое в нужных местах щитами. Этакий бронированный ком, от которого тянулся условный хвост разгонно-тормозного трека. Юмористы, которых всегда хватало среди космических бродяг, называли эти базы головастиками, а то и сперматозоидами.

Со временем порталы стали строить как самостоятельные объекты и по двойной схеме, с отдельными треками, чтобы можно было одновременно и принимать, и отправлять корабли. К тому же у них появились собственные силовые установки, поэтому роль и конфигурация космических форпостов также изменились. Они по-прежнему несли защитную функцию, да и собственные резервные порталы никуда не делись, но их треки тоже разделили. Хвосты раз-

гонных и тормозных треков теперь торчали в противоположные стороны, а модули стали стыковать более упорядоченно, иногда даже с намеком на архитектурную фантазию. Но самое главное, базы постепенно превратились из бронированных консервных банок в настоящие космические города, довольно просторные и разнообразные по внутреннему наполнению и конфигурации.

И речь идет не только о базах разных цивилизаций. Понятно, что гуманоиды фортаны строили космические станции по своим понятиям и принципам, зачастую абсолютно чуждым для тех, кто считал своими предками землян. Но даже базы дактианцев принципиально отличались от форпостов мароманнов. Ведь уроженцы Аррадакта не строили космические станции, а выращивали их, как и все в своем «зеленом» мире, используя непостижимые для технических цивилизаций генные технологии.

Но в этих двух случаях отличие чужих космобаз от форпостов Маробода с теми же функциями было предопределено. А вот факт, что внутри мароманнской архитектурной школы существовали достаточно разные направления, был необычен. Ведь принято считать, что крайне милитаризованное общество должно любить унификацию. Общие лекала облегчают снабжение и вооружение войск, обеспечивают отличную взаимозаменяемость чего угодно и так далее. И этот принцип соблюдался! Но архитекторы, честь им и хвала, умудрялись даже в таких жестких рамках строить уникальные космические базы.

Например, космические города со схожими названиями Бронированная звезда и Железное солнце состояли из одинаковых модулей, были вооружены штатными оружейными системами, но все равно отличались друг от друга, как нейтронная звезда от обычной. Хотя, стоит повториться, оба форпоста были спроектированы в одних и тех же КБ и играли примерно одну и ту же роль. Они защищали порталы своих секторов и служили «опорными точками цивилизации» для множества мелких поселений, частных астероидных рудников, торговых и научных станций и корабельных сцепок всевозможных конфигураций и назначения. Кроме того, они были базами Ударных групп «Север» и «Крест».

Хауэр мог сравнивать, поскольку не так давно служил как раз на Железном солнце. Чтобы привыкнуть к хитросплетениям коридоров и расположению отсеков в вотчине группы «Север», ему пришлось заглянуть буквально во все закоулки Бронезвезды. Даже в виде схемы и при поддержке синтетика запомнить, что где находится, оказалось выше его способностей. Не помогали даже придуманные и развешенные повсюду как раз для новичков подсказки, а также разделение отсеков базы по цветам. В каждом из больших секторов использовалась подсветка и маркировка определенного оттенка.

Впрочем, этот трудный период остался позади, и теперь Макс ориентировался на базе свободно. Командный модуль располагался в синем отсеке. Чтобы попасть туда из желтого сектора – жилого и культурно-торгового, надо было пройти мимо белого – медицинского, совмещенного с пищевым, и трижды свернуть налево, огибая красный отсек – арсенал и технопарк. Затем по дуге длинного коридора следовало уйти вправо, минуя зеленый отсек, спортивно-тренировочный и парковый. После этого оставалось только спуститься вниз, под черный технический модуль, в котором день и ночь трудились гигантские принтеры, печатавшие все, что только можно себе представить. От наноботов до кораблей среднего класса и даже крупных узлов для гигантских танкеров и рудовозов. Причем сразу со всей начинкой. Единственное, чего не умели эти совершенные машины, – печатать людей. Но с этой задачей пока неплохо справлялись и сами люди.

На пеший путь до синего сектора обычно уходило минут тридцать. И это в бодром темпе. Так что в экстренных случаях – или когда было лень топать в такую даль – офицеры пользовались внутренними порталами, но Хауэр предпочитал прогулки. Во-первых, размяться всегда полезно, а во-вторых, Макс не любил субпорталы. После каждого перемещения у него оставался во рту неприятный металлический привкус, а тело охватывал какой-то странный внут-

ренный зуд, словно после удара током. И такие ощущения преследовали многих, не только Хауэра. Доктор Бозе, например, описывал свои чувства после перемещения как желание почесать кожу изнутри.

Почему так получалось? Синтетики утверждали, что дело в повышенной чувствительности нервной системы к прыжкам под пространством, если это происходит без достаточного экранирования. Ведь когда люди находятся на борту проходящего сквозь портал корабля, ничего подобного с ними не происходит. Поэтому синтетики рекомендовали формировать из наноботов защитные костюмы. В принципе это помогало, но, во-первых, формируя боевой костюм для пустяшного прыжка, ты рисковал прослыть слабаком, а во-вторых, мозг все равно подсовывал воспоминание о неприятных ощущениях. Так что разница, в костюме ты прыгаешь или нет, была минимальной.

Имелся еще и третий путь в синий сектор, как бы компромиссный: над реакторным, мимо транспортного, а затем напрямик через боевой отсек. Эта дорога вдвое короче стандартной. Но в боевом отсеке постоянно проводились занятия на имитаторах, и очутиться вдруг в гуще тренировочного боя не всегда интересно даже самым азартным бойцам. Все и так проводили в боевом отсеке по шесть часов ежедневно, оттачивая и без того идеальное мастерство. Случайно поучаствовать в чужой тренировке – уже перебор. Так что через боевой отсек ходили только в случае крайней необходимости и опять же при особой нелюбви к мини-порталам.

Сегодня у Макса все-таки возник соблазн воспользоваться мини-порталом. Все равно настроение было дрянное, так что одним неприятным ощущением больше, одним меньше – ничего не изменится. Но он отогнал эту мысль. К назначенному времени он успевал и пешком, даже опережал график на три минуты.

Топтаться у дверей не хотелось, но Хауэр не стал притормаживать. Он знал, что оберкомандор Герцог без проблем примет командора Хауэра чуть раньше и использует добавочные минуты, чтобы перекинуться хотя бы парой фраз, не относящихся к делам.

Так оно и вышло. И тему для неформального пролога Герцог выбрал сам, без подсказок Хауэра.

– А я предупреждал еще тогда, – Герцогу не составило труда выудить из друга причину его скверного расположения духа и погасшего взгляда, – помнишь? Анна красива, как ангел, но ты для нее не пара, слишком похож на черта.

– Сам ты на него похож, – буркнул Макс. – Ты тогда просто позавидовал, вот и ляпнул.

– Как вы смеете дерзить старшему по званию, командор? – Руперт усмехнулся. – Хотя ты прав, тогда позавидовал. Анна самая красивая женщина, которую я видел в жизни. Заметь, прошло двенадцать циклов, а это до сих пор так. Но я быстро успокоился. Знаешь, почему? Во-первых, женщина рядом, конечно, должна быть красива, но не настолько, чтобы ты не мог заплатить за обладание этим чудом. Иначе ее обязательно перекупят. И второе, всегда должна оставаться какая-то мечта, нечто недостижимое, к чему хочется стремиться.

– Только что об этом думал. Борис крепко обработал нас в детстве. До сих пор кодировка держится.

– Я и без Бориса это знал. Вот ты завладел идеалом, и что было дальше? Ты двенадцать лет только и делал, что пытался удержать в руках эту жар-птицу. Нет уж, Макс, пусть лучше ангел будет в небе. Ему место там. А нам – здесь. Комкаю мысль, да?

– Нормально, я тебя понял.

– Тогда на этом и замнем, да?

– С языка снял.

– Отлично, командор. Давай теперь о деле. Как понимаешь, я позвал тебя не просто так. Назревает приличная заварушка, и ты, мой друг, станешь ее главным участником. Естественно, не задарма!

– Премия будет, что ли?

– Это само собой. Но я о другом. Тебе доверено испытание новой оружейной программы. Более того, ты получишь под личную ответственность новую генерацию наноботов. Принципиально новая конструкция!

– Принципиально новая конструкция – это если у слона вырастет хвост вместо хобота, – Макс поморщился. – Что можно принципиально изменить в роботе, в котором молекул меньше, чем деталей в велосипеде?

– Это ты у синтетика своего спросишь, когда он новую колонию на баланс примет.

– Все равно не понимаю, почему я? Для таких испытаний есть специально обученные люди. Мне больше заняться нечем, что ли?

– Макс, я ведь сказал – заварушка! Штатные испытатели годятся именно для испытаний. Носиться по полигону, палить в условного противника, прыгать в условный огонь, в бассейновую прорубь или в открытый космос на трех страховочных фалах – это все, что они могут. Тебе предлагается испытать оружие в реальном бою. Никакие испытатели лучше тебя не справятся.

– Странная затея, – Хауэр в сомнении потер подбородок. – Разработчики новой генерации наноботов дали кому-то на лапу, чтобы пустить госприемке пыль в глаза? Признавайся, какой у тебя процент с этой постановки?

– Макс! – Герцог возмущенно взглянул на приятеля. – Никто ничего не затевал! Дослушай, и сам это поймешь.

– Хорошо. Слушаю. Где будем испытывать?

– Здесь недалеко. – Герцог вдруг ухмыльнулся и подмигнул.

– Руперт, не томи. – Хауэр строго посмотрел на приятеля.

– Есть у меня информация, что в секторе «О» возникли неожиданные проблемы с большим порталом. – Герцог взял паузу и уставился на приятеля, будто предлагая ему продолжить мысль.

– Сектор «О»? – Макс на секунду задумался. – Спасибо, сам сообразил. В этом секторе только одна обитаемая планета, Оттономика, она же Терранова. Большой портал тоже один, дактианский. Наши колонисты летают туда только на прыжковых кораблях либо прибывают через мобильный портал орбитальной базы «Каменный купол». Спасибо, я знаю, что у дактианцев трехкратный перевес в живой силе и «живой технике». От захвата всей планеты их удерживает только присутствие «Каменного купола». Его бортовые оружейные системы контролируют практически всю границу с дактианскими владениями. Как на планете, так и в атмосфере и на орбите. Это действительно надежный купол над нашей территорией. Все, спасибо, больше подсказок не надо.

– По-прежнему разговариваешь со своим синтетиком, как с отдельной личностью? – Руперт усмехнулся. – Куда смотрит Борис?

– Он не видит в моей привычке ничего плохого.

– Доктор Бозе, как тайный представитель оппозиции-некондиции, может видеть, что ему вздумается, – после некоторой паузы негромко сказал Герцог. – На него все давно махнули рукой. А вот ты, Макс, будь поосторожнее. Тайная полиция не одобряет сомнительные веяния моды. А видеть себя отдельно от синтетика стало довольно модным среди так называемой прогрессивной молодежи. Не думаю, что ты поддался их дурному влиянию, но... лучше не вызывать у полиции ассоциаций со всем этим духовно бунтующим сбродом. Если пару циклов назад «некондиция» считалась просто сборищем вечно всем недовольных неудачников-интеллигентов, то теперь их считают едва ли не пятой колонной, пассивными предателями национальных интересов. Попадешь в их число, и тебе несдобровать. Даже таким легендарным личностям, как ты, сейчас лучше оставаться на общем уровне газона. Иначе – вжик! – и тебя подровняют. А то и вовсе выдернут, как сорняк. Понимаешь?

– Понимаю. Но такой откровенный я только с тобой да с Борисом.

– И еще с его дружкой кифером. Как там его... Момо?

– Да, Момо. Но с жуком я не общаюсь. С ним вообще никто не может общаться, кроме Бозе. У остальных возникает, как говорит Борис, «конфликт форматов *восприятия*»...

У Хауэра в сознании вдруг мелькнул эпизод из ночного кошмара, и он невольно запнулся.

– Это мне известно, – Герцог кивнул и ухмыльнулся. – Звучит, как реклама цирковой клоунской пары: Бобо и Момо. Весь вечер на арене. Как, черт возьми, Борис это делает? Не через синтетика ведь. Я понимаю, можно наладить диалог с фортанами. Уроды еще те, но хотя бы понятно, куда смотреть, когда разговариваешь, да и отвечают они, пусть и с акцентом, но понятно. А у киферов ведь ни лица нет... то есть, тьфу ты, морды... ни глаз нормальных. И языка нет, а потому не говорят они по-человечески. Язык жестов Бозе с этим Момо придумали, что ли?

– Не ко мне вопрос. – Макс поднял руки. – Вызови Бориса на досуге да спроси. А пока давай вернемся к теме.

– Дождешься тут досуга. – Герцог вздохнул. – Давай вернемся. Итак, шесть часов назад прыжковый корабль класса «Виктория» взорвался прямо в створе дактианского портала. Представляешь, какой был эффект?

– Представляю. Будь этот портал нашим, чинили бы неделю, не меньше. Но дактианцы управятся дня за три. Говоришь, «Виктория» шарахнула? Это был наш корабль? И какотреагировали дактианцы?

– Понятия не имею, чей это был корабль. Производство наше, но кто на нем летал – неизвестно, все документы липовые. Поэтому дактианцы до сих пор и не предъявили нам никаких претензий. Мои агенты утверждают, что это была посуда смаглеров из сектора Урмы. Есть такое осиное гнездо на внутреннем кордоне, практически рядом с Пеклом. Но суть не в этом. Имеется подозрение, что «Виктории» помогли взорваться. И сделал это еще один корабль. Тоже без документов и опознавательных знаков, но опять нашего производства. Класа «Тор».

– Такие корабли сняты с вооружения двадцать пять лет назад. Мы с тобой еще в школе учились.

– Это я помню. Но сняты с вооружения – не утилизированы. После модернизации все «Торы» были проданы корпорациям в качестве судов-разведчиков. Мой отец летал на таком. Ты должен помнить. «Стальная бабочка». Не исключено, что некоторые из этих корыт летают до сих пор.

– Все равно непонятно. Какой из корпораций было выгодно испортить портал? В секторе «О» нет приличных месторождений, если предположить, что это было сделано, дабы насолить конкурентам.

– Мне тоже пока не все понятно. Но зато я вижу выгоду для нашей армии. У нас появился уникальный шанс нанести концентрированный удар в самое сердце дактианской колонии. Без большого портала Аррадакт не сможет быстро перебросить флот для защиты колонии. Фактически Терранова сейчас беззащитна. Орбитальная группировка и планетарные силы самообороны не в счет.

– То есть мы можем захватить дактианскую половину планеты и очистить орбиту одним ударом? Хорошая идея.

– Одним ударом – нет. Генштабу идея тоже нравится, но рисковать крупными силами он не хочет. Без большого портала и нам не перебросить быстро нужное количество войск. «Каменный купол» с такой задачей не справится. Если посмотреть на проблему трезво, станет ясно, что нужное количество кораблей прибудет в сектор ноздря в ноздрю с флотом дактианцев. К тому же все они будут вынуждены плясать от нашей «каменной» печки – направление, хорошо пристрелянное дактианцами. Так что схватка на орбите Оттономики-Террановы может обернуться серьезным космическим сражением с непредсказуемым финалом. Поэтому принято решение о кинжальном ударе. Наша Ударная группа, минус боевой десантный корабль «Демон», выйдет из прыжка над дактианской стороной планеты, построится в атакующий поря-

док и оттянет на себя орбитальную стражу противника. БДК «Демон» выйдет чуть позже и максимально близко к планете. Твой отряд высадится на планету прямиком в центр колониальной столицы дактианцев и нанесет максимальный урон военной инфраструктуре – список объектов и карта прилагаются, выберешь любой на месте. Как только дальняя разведка зафиксирует выдвижение вражеского флота из сектора Аррадакта, «Демон» примет вас обратно на борт и уберется восвояси. А следом дадут задний ход и остальные корабли группы. Аррадакт, конечно, нанесет симметричный ответный удар по нашей ближайшей колонии, то есть по другому полушарию Оттономики-Террановы, но «Каменный купол» его отразит. Вот такой план. Эффективно, элегантно и без риска для основных сил.

– «Элегантно»? – Макс усмехнулся. – Пижоны столичные! Крупными силами рисковать нельзя, а нами, значит, можно? Мой отряд, по-твоему, – пушечное мясо?

– Не по-моему! Идея операции принадлежит генштабу. Но и там никто не считает тебя и твоих воинов мясом. Наоборот, все восхищаются вами и надеются на вас...

– Руперт, – командор поморщился, – я не хуже тебя знаю, что думают о нас штабные. Надеются – да, а вот насчет восхищения ты загнул. И сильно загнул. А самое главное – там отлично знают, что такое «специализация». Им и в голову не придет посылать штурмовиков туда, где требуются диверсанты. А тут вдруг «кинжальный удар» силами моего отряда. Да еще с бредовым объяснением причины. Извини, но не верю. Что дальше?

– Твой отряд будет работать новейшим оружием и под прикрытием новых щитов, – на лице у Герцога отразилось неудовольствие. Недоверие Хауэра его явно задело. А быть может, Руперт был недоволен тем, что приятель так легко раскусил скрытые замыслы. – Партия того и другого экспериментальная, ограниченная. Вот и вся подоплека. Будь у нас больше новейших наноботов, мы снарядили бы целую армию и двинули бы ее прямиком на Аррадакт. Но пока нанитов у нас ровно на один отряд. Да и прежде чем атаковать врага на основном направлении, стоит провести полевые испытания на периферии, согласен? Ситуация вокруг Оттономики-Террановы идеальна для боевых испытаний.

– Согласен, но вопрос прежний: почему не диверсанты, а штурмовики? Почему я?

– Да кто еще-то?! – Герцог, казалось, был уже на грани срыва. – Ты ведь командор, Хауэр! Единственный действующий, а не отставной кавалер Боевого Мальтийского креста. Только у тебя есть шанс выбраться из передраги, если что-то пойдет не так. Даже лучшие диверсанты не сравнятся с тобой! Или... ты что, думаешь, я хочу тебя подставить? Да я просто не знаю, кому еще можно доверить эту миссию!

– Когда ты захочешь меня подставить, я пойму, не первый год тебя знаю, – спокойно заявил Хауэр. – Сейчас ты просто недоговариваешь. Но бог с тобой. Теперь насчет шансов. На самом деле даже у меня они равны – пятьдесят процентов за то, что выберусь, и столько же за то, что не выберусь. Оборонительные силы – это, конечно, не самые умелые подразделения дактианцев, но боевые роботы, то есть бионики у них стандартные, да и прочее оружие ничем не отличается от оружия фронтовых подразделений.

– На любого бионика найдется подходящий робокриг. А на оружие – щит. Может, ты боишься?

– Нет. – Макс предельно спокойно отреагировал на провокацию приятеля. Взять Хауэра «на слабо» было трудно даже в детстве, а уж теперь и подавно. Очень уж он был всегда уверен в своих силах и знал себе цену, когда речь заходила о профессиональных вещах. По поводу дел душевных и прочих тонких материй еще мог засомневаться, а если касалось работы – никогда. – Ты же знаешь. Но со мной будут бойцы. Их шансы гораздо скромнее моих. Поэтому спрошу еще раз, Руперт, почему я и мой отряд? – Хауэр уставился на приятеля. – Ну не мог наш любимый генштаб спланировать такую авантюру без особой и очень важной причины. Я должен знать, что это за причина. Не посылают гвардию сторожить огород. Если, конечно, там

под пугалом не закопан весь золотой запас государства. Какая секретная вводная придет, когда мы ввяжемся в драку? Давай, давай, раскалывайся.

– Макс. – Герцог обреченно вздохнул, но взгляда не отвел. – Ты знаешь меня с пеленок. Так или иначе мы всю жизнь держали друг друга в поле зрения и дорожили нашей дружбой. То, что ты сейчас думаешь, о чем беспокоишься, мне предельно понятно. Да, я меньше тебя провожу времени на передовой, меньше сражаюсь плечом к плечу с отличными ребятами, которых большинство в твоём отряде. Но все равно я понимаю тебя. Ты этого не знаешь, но последние полгода я мотался по самым дальним рубежам, а то и вовсе ходил в рейды почти в Пекло, и в этих походах встречал много хороших людей, которые гибли, выполняя свой долг. Гибли во славу Маробода, не считая за лишний пафос. Так что я понимаю тебя, но понимаю и генштаб. Мы должны победить. И не когда-нибудь в далеком будущем, а на нашем с тобой веку. И если для этого потребуется пожертвовать жизнями сотен боевых товарищей, так тому и быть.

– Моей жизнью тоже?

– С тобой мы все выяснили, тебе эта задача по зубам, так что твоей жизнью я не жертвую.

– Ладно. Но ты не ответил на вопрос. В чем тут скрытый смысл?

– Макс, помнишь, как говорил твой отец? Ты ищешь черную кошку там, где ее нет. В этой операции нет второго дна. Мы просто пользуемся ситуацией. Никого лучше тебя под рукой сейчас нет, а на доводку до твоего уровня тех, кто имеется, нет времени. Да, специализация у тебя другая, но ничего сверхъестественного мы и не требуем. Базового курса диверсионной работы тебе хватит с лихвой. Все еще не веришь? Хорошо, тогда мой главный аргумент. Я лечу с вами. Буду командовать всей операцией с борта «Демона». Теперь ты спокоен?

– Спокоен, – после недолгой паузы сдался Макс. – Пойду готовиться.

– Иди, – Герцог заметно расслабился. – И в качестве бонуса, Макс. То, что я говорил о тайной полиции, было сказано не для красного словца. К тебе, практически национальному герою, эталону воина, им не подобраться, а вот Борис рискует отправиться куда-нибудь и вовсе во вселенскую задницу. Если он не в силах расстаться с Момо, пусть хотя бы прикусит язык. О его неформальных лекциях в баре офицерского сектора базы ползут самые разные слухи.

– Я передам. – Хауэр кивнул. – Спасибо, Руперт.

– Удачи, брат. – Герцог поднялся и кивнул.

Руки на прощание он не подал. Наверное, впервые в жизни. И что это могло означать, Макс не сумел понять, как ни старался. Зато он понял другое. Руперт все-таки соврал насчет отсутствия в операции скрытой цели. Слишком честными были у него глаза и правильными речи. В точности такими они бывали у Герцога в детстве, когда он подставлял приятелей. Правда, тогда на кону были обычные бытовые мелочи, а не жизни сотен людей.

* * *

После разговора с Герцогом командор должен был отправиться напрямик в серый сектор, в расположение отряда. Приказ собираться в поход следовало без промедления довести до младших командиров. А также до робокригов – человекоподобных бойцов, состоящих из титанового скелета и наноброни, которыми управлял синтетический разум. По сути, эти синтетические бойцы были полноправной частью личного состава отряда, поскольку разум каждого из них был в точности таким же, как синтетики-компаньоны, вживленные в мозг всем живым мароманнам. Да, робокригам иногда не хватало смекалки, выдумки, человеческой интуиции, но, если по большому счету... а много ли живых бойцов могли похвастать этим набором качеств? Один из десяти? Ну и чем тогда отличались робокриги от оставшихся девяти десятых? Хотя, конечно, люди есть люди, а роботы... есть машины, но доля правды в этой шутке имелаась. И немалая. Короче говоря, командору следовало лично довести приказ до всей этой

биомеханической братии, но Макс принял нестандартное решение. Он поручил это дело своему синтетику.

Скучавший доселе дубль-командор едва не заискрился от радости и тут же передал всю информацию синтетическим коллегам, засевшим в мозгах у трех дюжин живых воинов и в титановых черепашках у шести дюжин робокригов Особого штурмового отряда.

Почему Макс отступил от традиции? Он и сам не знал. Интуиция, наверное, подсказала. И почему-то Макс решил, что прежде всего новую вводную начальства следует обсудить с доктором Бозе. Нет, не потому, что Борис был крупным специалистом в планировании спецопераций. В этом деле он как раз не разбирался вовсе. Зато Борис хорошо разбирался в психологии, а также умел видеть скрытые знаки в поведении людей. Иногда Борису хватало одного взгляда, чтобы не только понять, утаивает что-то собеседник или нет, но и точно определить, о чем конкретно умалчивает человек. Конечно, сделанная синтетиком субъективная, то есть воспринятая через органы чувств человека, запись – не лучший материал для такой экспертизы, но тут уж что имели, то имели. Хотя бы при передаче оцифрованной копии с одного дубль-разума на другой ничего не искажалось, и то хорошо.

Изучив переброшенную синтетиком на синтетика запись, доктор какое-то время молчал, а затем взглянул на Хауэра с оттенком сомнения.

– Может быть, *Максим*, ты накручиваешь?

Доктор Бозе всегда называл Макса на свой манер, произнося имя с забавным акцентом, а иногда еще и добавляя искаженное имя Хауэра-старшего – *Генрихович*. Виной всему было происхождение Бориса. Его род, довольно древний, имел славянские корни. Первое в обществе мароманнов ценилось, а вот что значит второе, Хауэр понимал с трудом.

Вроде как в докосмическую эру земляне тоже делились на расы и народы. По утверждению Бозе, далекие предки Хауэра – некие германцы, а предки Бориса – славяне. Те самые, которые и положили начало новой эре. Чем они друг от друга отличались, кроме разной степени интереса к космосу? Явно не тем, чем сейчас отличаются друг от друга, например, мароманны и дактианцы. Скорее всего, только диалектом и отдельными традициями. То есть почти ничем. В составе Народной Диктатуры Маробода числилось около сотни обитаемых планет в семнадцати звездных системах, и на каждой имелся свой диалект, свои традиции, даже оттенки кожи у всех были разные, но раса-то одна. Все мароманны. Или, говоря научно, – бинарные нанотехнологичные модификации человека универсального. От человека разумного, жившего на Земле в докосмические времена, осталась только пятая часть – слово «человек», то есть лишь общие принципы строения организма. Однако доктору Бозе нравилось подчеркивать при каждом удобном случае, что он помнит своих далеких предков, для нынешних космических рас почти таких же мифических, как олимпийские боги.

Зачем он все это культивировал? Ну вот такие у человека странности. А у кого их нет? Кто-то разговаривает с личным синтетиком, кто-то коллекционирует вражеские скальпы, а кто-то штудировать никому не нужную историю канувших в Лету цивилизаций. Человеческие увлечения многообразны, необъяснимы и непредсказуемы. На то он и человек.

Впрочем, это была не самая большая странность доктора. Существо, дружба с которым действительно отличала Бозе от других мароманнов, находилось сейчас в десяти шагах от Бориса и в двадцати от Хауэра. И вот это уже был явный перебор в плане странностей.

Заложив руки за спину, доктор прошелся по своей каюте и остановился перед этим жутковатого вида существом – огромным инопланетным членистоногим.

Мало того, что это создание имело устрашающие размеры и острое жало вроде скорпионьего в хвосте. Оно еще и ломало своим видом привычные понятия о естественной целесообразности. Вот зачем чуждая природа наградила этого жука выростом, похожим на танковую башню? Думаете, это голова? Ничего подобного. Никаких глаз, ушей или рта на этой «ложной голове» не наблюдалось. И мозги располагались вовсе не в ней. Но еще более странной выгля-

дела опорно-ходовая часть кифера, а речь о нем. Ведь киферы – триподы. То есть имеют только три ноги, или лапы, если угодно. Вместе с хвостом эти конечности образуют ромбовидную конструкцию, но опорой служат только лапы. Одна передняя, две боковые. А хвост – это нечто вроде балансира. Ну и оружия, конечно.

И вот перед таким уродом доктор Бозе был готов стоять часами, ведя с ним неторопливый диалог на языке жестов.

Предположительно на языке жестов. Как в действительности общались эти странные приятели, науке неизвестно. Макс тысячу раз пытался вывести это у Бориса, но доктор так и не дал внятного объяснения. И не из вредности. А потому что даже он, умный и красноречивый, не сумел сформулировать ответ. И попытки доктора показать, как происходит общение, ни к чему не приводили. Хауэру не хватало наблюдательности и терпения, чтобы уловить и расшифровать мельчайшие телодвижения, игру странных звуков, теней и, похоже, даже гамму запахов, которые и составляли «текст диалога».

Сейчас Борис не собирался заикливаться на беседе с Момо, как прозвали этого кифера мароманны. Но, похоже, все-таки парой условных жестов они перекинулись. Наверное, доктор спросил у кифера, стоит ли доверять информации командора. Что там ответил инопланетный жук, осталось, как всегда, для Макса загадкой.

– Тебя не устроило качество записи разговора? – Хауэр пригубил напиток, любезно смешанный Момо.

Коктейль, как и все, что готовили уродливые киферы, получился просто волшебным на вкус. Собственно, талантом готовить из любых продуктов чудо и славились эти жуки. Поэтому даже махровые расисты мароманны охотно принимали их на работу корабельными коками, а то и ресторанными поварами. Что там киферы добавляли во все блюда, никого при этом не интересовало. Кое-кто брюзжал, что жуки добавляют свои выделения. Но возможность питаться разнообразно и вкусно была выше условностей. Да и жучиные сопли – это ведь не дерьмо собачье. Мед ведь тоже образуется под действием ферментов пчелиной слюны, и что с того? Кто от него когда-нибудь отказывался? Короче говоря, присутствие киферов практически на всех кораблях почти всех космических рас давно стало нормой.

И не только на камбузах, но и в ходовых рубках. Кроме кулинарных талантов, киферы обладали невероятно развитым чутьем астронавигаторов. Не пользуясь никакими приборами и вычислительной техникой, лишь обращаясь к им одним ведомому «астралу», киферы прокладывали идеальные маршруты даже сквозь самые сложные и опасные сектора галактики.

Ну и как их было не ценить? Всего две полезные людям функции, но зато насколько полезные! Особенно в глубоком космосе и на долгих вахтах. За эти два таланта киферам прощались и уродливый внешний вид, и молчаливость, и потенциальная опасность – никто ведь не знал, что у них в действительности на уме. Когда речь заходила о киферах, на все неудобные вопросы по умолчанию накладывалось табу. Например, считалось дурным тоном рассуждать на тему «а зачем все это самим киферам»? Зачем мотаться на чужих посудилах по Галактике и служить людям, ничего не требуя взамен? Чтобы *на халяву*, как выражался Бозе, повидать космические дали? Или киферы, как предполагали скептики, тайно сосали из людей жизненную энергию?

Все это были вопросы без ответов, поэтому никто ими не загружался. С киферами в космосе было удобнее, чем с глупыми вопросами-сомнениями, на этом все и сошлись. И успокоились.

– Да, запись чистая, почти без помех, – задумчиво проронил Борис, отводя взгляд от кифера. – Почти.

– Если что-то осталось для тебя за кадром, попроси синтетика прокрутить запись еще раз. Но я думаю, ты уловил даже больше, чем я. Ведь психология беседы – это твой конек.

– Правильно говорить «психологическая схема диалога».

– Мой вариант короче, а смысл тот же.

– Тот, да не тот. Но в целом ты прав, *Максим Генрихович*. Наш друг Руперт темнит. Но лично мне показалось странным кое-что другое. Герцог стал как-то холоднее, отдаленнее. Он будто бы прихворнул звездной болезнью. Ты не в курсе, с чего вдруг он так зазнался? Может быть, ему пообещали серьезное повышение и твоя операция – это финальное испытание для Герцога? Сумеет организовать этот рейд, докажет, что выдающийся стратег и тактик, прыгнет через ступеньку, а не сумеет – останется одним из многих? Хороших, даже лучших, но многих. Могли ему такое пообещать в генштабе?

– Версия вполне реальная. – Макс допил коктейль и с сожалением заглянул в пустой стакан. – Надо подумать. Позже. Когда вернемся из рейда.

– Мы не вернемся, – вдруг заявил доктор.

– Что? – Хауэр удивленно вытаращился на приятеля.

– Так считает Момо. И я с ним согласен. Если Руперт темнит, нам, чтобы выжить, потребуются все силы, в первую очередь интеллектуальные. Поэтому Момо должен лететь с нами.

– Исключено.

– *Максим!* – Бозе вскинул руку и начал говорить быстро, но не перескакивая с темы на тему, как это бывает, когда пытаются заговорить собеседнику зубы, а последовательно и объемно, как доктор любил и умел.

Такие речи Хауэр обычно не прерывал, даже если заранее знал, что не согласится с мнением Бозе. Просто слушал и наслаждался нормальной живой речью, которой ему не хватало в повседневной жизни, полной отрывистых приказов, военно-технических терминов и крепких солдатских выражений.

– Выслушай! – взывал к другу Борис. – Я знаю, что ты способен меня понять. Ведь ты не просто командир штурмового отряда и отважный воин. Ты командор Макс Хауэр, уникальная личность, логик, интеллигент внутри... не морщись... и противник кибернацизма, который культивируют наши пропагандисты. Мароманны в этой идеологии – высшая раса, вершина киберорганической эволюции, к которой приблизились кроме мароманнов лишь сайтенны, а все остальные – шлак или вовсе нелюди. Тем не менее мы пристально следим за достижениями дактианцев и фортанов. Мы даже не гнушаемся заключать временные военные союзы с отрядами диких вильдеров, контактируя с ними через фальшивых смаглеров. То есть через работающих под прикрытием агентов. Но главное – мы привлекаем к работе на своих кораблях и даже на Маробода киферов. Исключительно в качестве коков и навигаторов, но ведь привлекаем. Этакая беспринципность в сочетании с формальной идеологией делают наше общество неискренним и полным условностей. Они создают почву для появления пятой колонны. И только мощный военно-репрессивный аппарат пока справляется с удержанием колосса на глиняных ногах. Главным опорным элементом диктатуры Зоттана является армия, которая ведет бесконечную войну за ресурсы и территории с Аррадактом. Идеология преподносит все это как битву за выживание вида. Но ведь лично ты, *Максим*, считаешь, что главные враги Маробода, дактианцы – не истинные враги, а лишь соперники в бесконечной игре под названием «Битва за ресурсы». Ведь так? Главную же идеологическую фишку кибернацизма ты вообще тайно отрицаешь, считая, что все наши «усовершенствования» от лукавого. То, что было создано эволюцией, нельзя улучшить, можно лишь подогнать под некие стандарты-фантазии существ, возмнивших себя богами или даже сверхбогами. И это не только самонадеянно, но и опасно. Все верно?

– Не совсем, – Хауэр качнул головой и усмехнулся. – Я не осуждаю нашу идеологию и не считаю ее кибернацизмом. Мы просто знаем себе цену. И она справедливо самая высокая в галактике. И я не считаю дактианцев «просто конкурентами». Это все твои некондиционные фантазии, Борис.

В памяти вновь пробудились обрывочные воспоминания о ночном кошмаре. А конкретно – эпизод, в котором дактианцы не были врагами.

«Может, сон был в руку? – подумалось Макс. – Может, я предчувствовал, что услышу эту фразу от Бориса? Черт его знает!»

Хауэр вспомнил предупреждение Герцога и отбросил лишние мысли.

– Но ведь тебя угнетают «усовершенствования», хотя бы это я угадал?

– Тоже неточная формулировка, – окончательно вернулся в русло Хауэр. – Да, я не считаю своего синтетика частью себя. Но это не значит, что я противник самой идеи бинарного разума и биотехнологического симбиоза. Да, еще мне нравится мысль, что идеальными являются только люди в чистом виде. Но это лишь отвлеченная мысль. Высокое искусство. Стремление к идеалу. Кстати, вполне вероятно – ложному. К реальной жизни оно не имеет никакого отношения. Ведь сравнивать не с кем, чистых людей не осталось.

– А если они остались? Например, на Земле?

– Землю давным-давно выпотрошили, бросили и забыли. Теперь это мертвый мир.

– Нет, *Максим*, это не так! По сведениям изредка залетающих в Солнечную систему разведчиков и ставших смаглерами отщепенцев, Колыбель теперь дикая планета, это верно. Она абсолютно не похожа на Землю из старых хроник, поскольку вода и почва крайне бедны микроэлементами. Но при этом жизнь на Земле сохраняется, пусть и в трансформированном виде. Там теперь мало зверей, лесов и вообще пиковых эволюционных форм, и едва ли наберется миллион человек. Зато там полно неприхотливых хвощей и папоротников, а фауна представлена в основном насекомыми и пресмыкающимися. То есть истощение ресурсов условно отбросило биосферу Земли в триасовый или даже в пермский период, но жизнь на ней продолжается. В том числе разумная жизнь. Вполне вероятно, что среди нынешних землян есть и чистые люди. А это значит, что твои мысли о вторичности косморас в сравнении с чистым человеком – вовсе не отвлеченные рассуждения.

– Слушай, Борис, – Хауэр отставил, наконец, стаканчик, обозначая, что разговор подходит к концу, – ты не сумеешь затуманить мне разум своими некондиционными речами. Можешь шуршать, как дождь, хоть целые сутки, ничего не изменится. Я не поддамся твоему словесному гипнозу. Мое восприятие косморас не имеет отношения к делу. Все намного проще. Кифер приписан к базовому камбузу, здесь он и останется. Если ты испугался, можешь остаться тоже, я придумаю, как это оформить.

– Размечтался! – Бозе погрозил командору пальцем. – Ты становишься хитрецом.

– То, что я не поддаюсь на твое словесное программирование, как это бывало в детстве и юности, не значит, что теперь я хитрец, – Макс поднялся, кивнул Момо – так, на всякий случай – и двинулся к выходу. – Сбор через час в красном отсеке. И постарайся до этого момента изучить все, что я сбросил тебе помимо беседы с Рупертом. Я просмотрел спецификации на новое оружие и защиту лишь мельком, но успел понять, что это нечто действительно новенькое. Мой синтетик вообще в восторге, если можно так сказать.

– Все наноботы одинаковые. – Доктор поморщился. – Разницу придумывают рекламщики из корпораций да немного программисты. Но я, конечно, все изучу.

Хауэр еще раз кивнул, теперь доктору, придал лицу непроницаемое выражение и покинул белый отсек. За порогом его терпеливо дожидались четыре младших командира и два робокрига личного боевого сопровождения. Макс окинул их суровым взглядом и наконец позволил компаньону-синтетику приступить к его прямым обязанностям. Технооболочка мгновенно установила контакт с синтетиками подчиненных, и воссоединившийся бинарный разум командора Хауэра принялся раздавать привычные пакеты ценных указаний. Все, как обычно, перед отправкой отряда в боевой поход. С той лишь разницей, что в этот раз командор не был до конца уверен в успехе операции. Что на самом деле задумал Руперт, Макс пока так и не понял.

«И сумеет ли в этом разобраться Бозе, тоже пока большой вопрос, – мелькнула мысль. – Может быть, довериться его чутью и все-таки прихватить с собой Момо? Синтетик, что скажешь?»

Искусственный разум ответил коротко, как всегда, но совершенно неожиданно по содержанию. Он ответил «это целесообразно». Макс был уверен, что синтетик зарубит идею, а потому командор даже слегка опешил. Будь у Хауэра чуть больше времени, он обязательно заставил бы синтетика дать пояснения, но сейчас Максу было не до того, и он решил просто положиться на мнение двух полярных авторитетов – Бозе и своего синтетика. То, что идеальная машина и «махровая некондиция» пришли к одному выводу, было уникальным явлением. А такие явления дорогого стоят.

Макс приказал синтетику организовать перевод Момо в отряд и закрыл вопрос до лучших времен.

«По всем расчетам разгон, – рассуждал он мысленно, – прыжок и выход-торможение в пространстве близ Оттономики-Террановы займут в сумме не меньше пяти стандартных часов, так что будет время допросить своего синтетика, выслушать благодарности и соображения Бозе и подумать обо всем самостоятельно. Обо всем – кроме личных проблем. Обо всем, что относится к текущим делам.

Эх, прав Бозе. Три проблемы – недомолвки Руперта, новое оружие и план будущей операции – полностью вытеснили мысли об Анне. И не потребовалась никакая сомнительная помощь синтетика. Все-таки психика человека сложнее и мудрее любых программ. И я в это свято верю, тут Борис дважды прав.

Одно печалит: плохие воспоминания нельзя стереть, нельзя оставить в памяти лишь приятное и полезное. Но, быть может, это и к лучшему? Чем мы будем отличаться от своих синтетиков без этих условно лишних, чисто человеческих воспоминаний? Да и не факт, что они лишние. Неприятные – да, но лишние... далеко не факт».

Глава 2

Тактик Сайрус Рем, судьба диверсанта

Вселенная не раз пыталась создать идеальный организм, однако все попытки заканчивались одинаково. Работа всегда прерывалась примерно на середине. И не потому, что Вселенная уставала или разочаровывалась в проделанной работе и бросала ее в печку. Но как раз на середине кропотливого процесса организм вдруг самоуничтожался. Иногда это происходило будто естественным образом: генотип созданий замусоривался, и они прекращали воспроизводство себе подобных. Иногда резко менялась окружающая среда. Но чаще всего идеальные организмы сами уничтожали свой вид в эгоистичной борьбе за право быть единственным и неповторимым. Идеальным абсолютно. Глупо, но поди докажи это созданиям, идеальным во всех смыслах, то есть в том числе и совершенным хищникам. Сожрут и фамилию не спросят.

Видимо, как раз после очередного провала Вселенная и решила в корне поменять тактику. Решила создать организм пусть не идеальный, но зато способный понять, что он такое, почему он живет и чем все закончится, если он будет ставить личные желания выше интересов вида. Вселенная создала человека.

Поначалу все шло неплохо. Новый организм стремительно развивался, умнел, а параллельно совершенствовал свои боевые навыки, поскольку его все-таки одолевали хищные инстинкты. Так, балансируя на узкой грани, человек прошел опасную среднюю точку, и Вселенная уже приготовилась радостно выдохнуть, но... все вдруг пошло прахом. Нет, человек не уничтожил свой вид и не канул в Лету, как предыдущие несостоявшиеся идеалы, и не откатился назад в своем развитии, как это случилось с десятками созданий, брошенных Вселенной задолго до достижения ими пресловутой срединной точки развития. Человека понесло куда-то в сторону, да так резко, что Вселенная не успела отреагировать и схватить свою ускользающую надежду за розовую пятку.

Человек поумнел настолько, что перехватил у Вселенной (или у Бога, тут кому какая терминология ближе) инициативу и начал самосовершенствоваться в прямом смысле этого слова. Правда, поскольку склонности у человека были самые разные, от физики до лирики, он слегка расплылся. Вот почему кто-то из людей выбрал путь духовного совершенства, кто-то – физического, а некоторые предпочли совершенствовать не столько тело или душу, сколько свой прагматичный мозг.

Вот так и появились в обескураженной Вселенной вместо одного идеала, человека разумного, сразу четыре вариации на его тему. Те, кто пошли по пути духовного совершенствования, просветления и постижения вселенской гармонии, остались у родных очагов и в дальнейшем развитии человечества особой роли не сыграли. А вот механики, физики и генетики успешно вырвались на оперативный вселенский простор, где и закрепились всерьез и надолго.

Технари, которые дали начало космическим расам сайтенов и мароманнов, еще как-то интересовались друг другом, общались, обменивались информацией, торговали, изредка ссорились, но в конце концов все-таки мирились и продолжали сотрудничать. А вот дактианцы, те самые генетики, отскочили от основ базовой цивилизации так далеко, что удивили сами себя, а не только бывших сородичей или Бога-Вселенную. Очень уж они основательно перетряхнули весь опыт цивилизации. Нет, дактианцы не отбросили достижения человечества, начиная с колеса или прирученного огня, заканчивая гиперпространственными двигателями Хайма-Дрешера или современным оружием. Все самое полезное они себе оставили. Но уклад жизни, законы, а главное, принципы сосуществования со всем живым во Вселенной они придумали заново. И, надо признать, у них неплохо получилось.

Во всяком случае, так считали сами дактианцы.

Впрочем, на это утверждение работала и бесстрастная история. Аррадакт вот уже не первый десяток лет успешно отстаивал свои интересы в любой точке освоенной части галактики. И делал это не только с помощью дипломатии, экономических рычагов или танцев с бубном, но и силой оружия. Живого, частично разумного оружия, которое успешно противостояло технологичному оружию и механическим монстрам, созданным технарями. В основном мароманнами. Эта космораса почему-то наиболее ревностно следила за экспансией дактианцев и постоянно пыталась оспорить их право на вновь открытые источники ресурсов или пригодные для заселения планеты.

А еще успешность дактианской идеи мироустройства могли подтвердить киферы, которых как разумных и даже цивилизованных существ «открыли» именно дактианцы. Ни железноголовым киборгам сайтенам, ни напичканным наноботами биомеханоидам мароманнам до такого было просто не додуматься. В их понимании киферы – всего лишь жуки. Возможно, разумные, и что с того? Где хоть одно уравнение, решенное кифером? Где созданные ими машины? А если нет машин, это не цивилизация.

Поначалу технари даже собирались уничтожить киферов. Ведь населенные жуками планета и ее спутники вполне пригодны для жизни, да еще и богаты ресурсами. А что на них полно аборигенов – кого это когда-нибудь останавливало? Объявить их угрозой цивилизованному миру, разбомбить, и все дела. Схема древняя, как деньги.

Спасли киферов три, а вернее, четыре серьезных аргумента. Первым стали тяжелые дактианские боевые «киты» – аналоги мароманнских космических крейсеров, которые зависли на орбите главной планеты киферов и взяли на прицел ударный флот мароманнов. Вторым аргументом стало вмешательство гуманоидной цивилизации фортанов. Неагрессивные, философски настроенные, но при этом очень сильные, а потому уверенные в себе нелюди настоятельно рекомендовали технарям не трогать жуков и подкрепили свою просьбу красочным световым шоу в пространстве неподалеку от Маробода. Повлияло ли на принятие решения лазерное представление в объеме пространства, превышающем объем, в котором умещалась вся мароманнская столица вместе с ближайшими спутниками? Наверное, да. Вряд ли мароманны испугались, ведь это было только шоу, а не флот боевых межзвездных «китов» на орбите, но обалдели они от странной выходки гуманоидов однозначно и задумались крепко.

Третьим ударом по психике технарей стала демонстрация киферами убедительного доказательства, что в технике они разбираются не хуже самовлюбленных, нафаршированных железом и наноботами двуногих болванов. Несколько жуков забрались в ходовые рубки и провели корабли мароманнов и сайтенов по самым сложным маршрутам в недостижимые прежде закоулки галактики, не используя никаких звездных карт и данных сверхдальней разведки. Как это у них получилось, осталось загадкой, но факт оставался фактом – киферы разобрались с человеческой техникой и показали, что владеют даже более совершенными технологиями. Только не используют их, поскольку никуда особо не летают.

На самом деле этот третий аргумент мог задеть самолюбие технарей и сыграть против киферов, но все обошлось, поскольку жуки сделали контрольный выстрел, предъявив четвертый козырь. Они показали мароманнам и сайтенам, как надо готовить пищу, а особенно напитки. Странно или нет, но именно этот аргумент решил все. Жуков оставили в покое и вообще стали считать «священной коровой».

Короче говоря, у дактианцев имелись все основания считать себя исключительной косморасой. И не только потому, что теперь они казались себе благородными космическими миротворцами. Имелись и объективные причины.

Например, дактианцы были совершенны физически – спасибо высочайшему уровню развития генной инженерии, которая и позволяла им эту маленькую роскошь. Благодаря идеальным генетическим «настройкам» дактианцы не болели, могли управлять своим организмом, например фиксировать возраст и жить не старея очень долго, могли восстанавливать повре-

жденные ткани и даже потерянные части тела – если, конечно, это были не жизненно важные органы и дактианец оставался на момент «процедуры» в сознании.

Естественно, за такие полезные для здоровья таланты приходилось платить. Правительство Демократической Империи Аррадакта требовало от граждан полной самоотдачи и даже закрепило в конституции пункт о максимальной продолжительности жизни в работоспособном возрасте. То есть законопослушные дактианцы должны были сами (или с помощью генинженеров, если у самих не получалось) следить за постоянным восстановлением своих органов и тканей, чтобы как можно дольше оставаться молодыми и энергичными.

В принципе большинству дактианцев эта конституционная норма казалась логичной и полезной как для государства, так и для самих граждан. Но тут имелся один тонкий момент. Оставаясь в работоспособном возрасте и крепкими физически, дактианцы не умели оставаться вечно молодыми морально. Постепенно накапливалась психологическая усталость, и некоторые граждане умирали, как говорилось, «от тоски», хотя физически были вроде бы вполне здоровы.

Впрочем, эта проблема решалась мудрым правительством просто. За особые заслуги (или по рекомендации агентов Министерства здоровья, которые внимательно наблюдали за гражданами) дактианцам разрешалось стареть и выходить на пенсию. Да, выдавались такие разрешения чуть реже, чем того хотелось бы некоторым гражданам, а потому выражение «выйти на пенсию» или слово «старость» воспринимались как синонимы слова «мечта», причем почти несбыточная. Но большинство дактианцев устраивало и то, что они имели. Стабильную работу, постоянную заботу правительства об их здоровье и возможность жить активно вплоть до последней минуты.

То есть дактианцы имели право считать себя не только высокоморальными и физически совершенными, но еще и мудрыми созданиями. Разве нет? Конечно, если сравнивать с фортанами, можно было и поспорить, но какой смысл сравнивать людей и нелюдей, пусть и гуманоидов. Разное происхождение внешне схожих видов накладывало свой отпечаток на образ мышления. В том, в чем были мудры фортаны, люди оказывались наивны, но случалось и обратное. Так что с ними сравнивать дактианцев было нельзя. А вот с технарями можно. И тут дактианцы выигрывали по всем статьям.

Во всяком случае, так считали сами дактианцы.

Тактик третьего уровня Сайрус Рем отвлекся от пришедшего на ум размышления-экскурса в недавнее прошлое Вселенной и тонкости уклада существующих цивилизаций и бросил взгляд на проекцию маршрутной карты. Похоже, он прибыл, куда направлялся. Экипаж косвенно подтвердил догадку хозяина, сбросив скорость. Затем последовали несколько секунд свободного падения, выход из пике и мягкая посадка в самом центре размеченной светящимися грибами площадки. Напористо и эффектно, как Сайрус и любил. Выращенный на транспортной фабрике-ферме Мажерти лишь в прошлом году экипаж-летун был пока еще молод, но штатный период приручения уже прошел, а потому отлично изучил манеры хозяина.

Сайрус подался влево, и экипаж тут же поднял прозрачную складку обтекателя, подставил вырост-трап и опустил на брюхо. Все согласно программе. Вот что значит тщательно выведенная порода.

Рем выбрался из летуна, но дальше отправился не сразу, только после того как одобрительно похлопал существо по лоснящемуся боку. Сайрусу нравились породистые летуны, чем-то они напоминали ему хороших лошадей, только с крыльями. Нет, летуны имели совсем другую компоновку, сравнивать их следовало с птицами без перьев, но лоснящаяся шкура, благородство мощных линий и стремительность в каждом элементе тела лично у Рема вызывали ассоциации именно с боевыми конями. Летун преданно и благодарно всхрапнул, и у Сайруса не осталось сомнений – именно с конями!

Рем жестом приказал запрыгнуть к себе на плечо мелкому, но цепкому сумчатому грызуну – у него в растянутой сумке хранилось все, что требовалось Сайрусу на отдыхе, – и направился к уютному домику, выращенному знакомым биоархитектором в этой заповедной глуши. Вообще-то Рем хотел завести себе основательное строение из быстро каменеющих орфийских кустарников, но архитектор переубедил его и вырастил домик из типового овощного материала. Поначалу Сайрус все-таки кривился, но потом признал, что знакомый прав. Выглядело жилище не монументально, однако все равно солидно и красиво, имело необходимый набор помещений, а еще в нем прекрасно дышалось. Гораздо лучше, чем в окаменевшем хитросплетении орфийской флоры.

Но главное, домик-тыква, как Сайрус в шутку прозвал своего нового недвижимого приятеля, был живым. Это значило, что его не нужно обогревать – он сам согреет и себя, и владельца, не нужно было обрабатывать наружные стены составами против эрозии, дом сам восстанавливал наружные слои, и не надо было заботиться о наведении порядка. «Тыква» убирала мусор и отходы тоже сама. А что стены не такие прочные и надежные, как каменные... так это ведь загородный домик для отдыха, а не крепость. Да и, если честно, каменные стены порядком надоели Рему на службе.

Мысли Сайруса резко, как нога по грязному бортику сточной канавы, съехали на неприятные воспоминания о последних неделях. Вообще-то Сайрус Рем, тактик третьего уровня, профессиональный диверсант, не должен был проводить много времени в каменных стенах гарнизонов. Раньше так оно и получалось. Тренировочные лагеря, боевые операции, командировки занимали львиную долю времени. Сайрус задерживался в каких бы то ни было укрепленных районах и мертвых строениях от силы на пару дней. Иногда он настолько отвыкал от них, что поначалу терялся – почему этот организм-укрытие не выполняет даже простейшие приказы? – а потом на него накатывала волна безразличия. Ну как можно жить, пусть даже только ночевать в мертвом строении? Правда, безразличие быстро проходила, поскольку каменные или окаменевшие строения создавали иллюзию защищенности, и этот приятный штришок без труда закрашивал все другие. Но так было раньше. В последнее время чувство защищенности превратилось в тягостное ощущение несвободы. Сайрус застрял в горном укрепрайоне Эпсилон-13, похоже, всерьез и надолго.

А все из-за какой-то мелочи. Диверсионная группа Рема впервые за время существования не сумела выполнить задание чисто. Диверсанты запустили в коммуникации под крупным поселением мароманнов на колонии Роер большую стаю генно-модифицированных крыс. По задумке Сайруса, бионики должны были перегрызть стержни, с помощью которых колония получала энергию из недр планеты. Но что-то пошло не так, крысы почему-то ринулись на поверхность, и всех длиннохвостых биоников переловили, стыдно сказать, роботы-уборщики. Мало того, мароманны быстро сообразили, что крысы не местные, начали прочесывать окрестности и обнаружили дактианцев. Пожалуй, это стало даже большим проколом, чем сам срыв диверсии. На отходе группа Сайруса потеряла трех бойцов и не сумела забрать их тела. Мароманнам они тоже не достались, специальные бактерии в считанные секунды «зачистили» останки павших воинов, но записать ролики мароманны успели. Естественно, это стало очередным поводом для эскалации напряженности в секторе Роера, которая вылилась в неслабую орбитальную потасовку. Кажется, потери дактианского флота составили два десятка «китов», несколько сотен «акул» и три тысячи мелких космических биоников. Естественно, начались поиски «крайнего», и после недолгих разбирательств эту почетную роль отвели Сайрусу.

Казалось бы, за что? Спрашивать следовало с тех, кто создавал и обучал крыс, то есть с биоинженеров. Вина Сайруса тут минимальная. Да и вообще, другим группам прощались и не такие ляпы. Но к Сайрусу стратегическое командование предъявляло особые требования, иногда за гранью справедливости, как выражался космофлотский тактик Торез Герра, один из старых товарищей Рема.

Почему так? Рем отчасти понимал, в чем причина, – показательная порка героя не особо вредит его имиджу, зато бодрит остальных, – но это понимание слабо утешало Сайруса. Ведь невыполнение особых требований и наказывалось особым способом. Можно даже сказать, особо жестоким способом. После проваленной, по мнению стратегического командования, операции группу Сайруса временно переформировали. Читай – распустили навсегда. А самого диверсанта с именем, известным любому тактику, привату, кадету и половине обычных мальчишек, назначили начальником противодиверсионного отряда колонии Терранова. Задвинули, проще говоря, куда подальше. Где справедливость? Хотя бы где целесообразность? Разве можно отстранять от работы лучшие кадры, которые, даже работая вполсилы, приносят больше пользы, чем все остальные вместе взятые?

Хотя, может быть, командование было право. Может быть, Сайрусу и впрямь следовало взять паузу, переключиться, отдохнуть. Может быть, страткомандование в целом и стратег второго уровня Вита Рем, родная сестра Сайруса, а по должности как раз куратор диверсионно-разведывательного направления, поступили мудро, а не жестоко, отстранив тактика третьего уровня от боевой работы. Возможно, все так, но... тогда могли бы сказать об этом. Но Сайрусу не сказали ни слова. Просто перевели в заштатный гарнизон и предложили освоиться на Терранове. Обычно иезуитское «освоиться» означало как минимум двухлетнюю ссылку.

«И, главное дело, Вита упорно не признается, что там, в страткоме, происходит. Все узнаешь позже – и весь ответ. Не-ет, когда она была братом, с ней было проще. Дернул ее черт сменить пол! Надеюсь, скоро блажь пройдет и она вернется в мужской клуб. Если, конечно, не попадет в передрагу, как на Свайсе, когда целую колонию накрыло местной ядовитой пылью и все утратили способности к генной трансформации».

Ужас, какой был скандал! Ладно утрата способности менять пол, гормональный фон или быструю регенерацию при болезнях и повреждениях. Не сможешь сам, помогут биоинженеры. Но старость! Отравленные колонисты начали бесконтрольно стареть, и ни они сами, ни колониальные биоинженеры ничего не смогли с этим поделать. Можно сказать, свайсианцы принялись бессовестно грести лопатой золото, ради которого другие пахали десятилетиями как проклятые.

Случись все не на колонии, скандал был бы не такой громкий, но на Свайсе громом и молниями накрыло всех и вся. Ведь колонисты вообще не могут позволить себе старость, даже если заслужили это право. Пока они не вернутся на Аррадакт или на какую-нибудь из базовых планет Империи, их пенсия считается отсроченной привилегией. Колонистов на любой новой планете, а уж тем более на Свайсе, слишком мало, рожать детей им некогда, да кругом еще и неблагоприятные внешние факторы. Плюс к тому – вялотекущая война с Марободом. Когда тут стареть? Работать надо. Устал не устал – скрипи! А пенсия – это привилегия жителей метрополии, а не колонистов. Вот вернешься, активируешь заработанный статус гражданина первой категории, тогда и выпускай свои гены из ежовых рукавиц.

Прибывшие вскоре столичные инженеры, конечно, помогли колонистам Свайса «поправить здоровье», но некоторые хитрецы умудрились избежать восстановительных процедур и в конце концов постарели настолько, что социальным инспекторам все-таки пришлось списать их на пенсию. Правда, вернуться на базовые планеты им в отместку не разрешили. Старички сделали вид, что огорчены случившимся, и разбрелись по своим домам с довольными ухмылками на морщинистых лицах. Ведь они и не рвались улетать со Свайса, справедливо считая, что вождеденную пенсионную жизнь можно неплохо провести и на колонии. Чем она хуже метрополии, если смотреть с позиции пожилого человека? Ничем.

Нет, Вита вряд ли торопится стареть и, даже если попадет в историю вроде свайсовской, не станет уклоняться от восстановления нормальных способностей к гентрансформации, но все равно боязно. А что, если она так и останется Витой, не вернется в первоначальный облик до пенсии? Иметь сварливую старуху-сестру будет вообще невыносимо!

Домик почувствовал, что владелец чем-то расстроен, и постарался встретить Сайруса изысканным свежим ароматом. Не сказать, что это подняло настроение, но Рем хотя бы отбросил мучившие его раздумья. А когда из закутка с правой стороны от домика выбрался пес, Сайрусу удалось окончательно переключиться на позитивную волну.

Домик в деревне. Оазис покоя, медиатор душевного равновесия и позитива. Пусть и не в пригородах столицы, но все равно радующий. Хотя о чем речь, какие пригороды на Аррадакте, там везде город, хоть и зеленый, живой, свежий, но очень уж густонаселенный, шумный и перегретый потоками информации. Но, наверное, домик-тыква радовал прежде всего потому, что был настоящим, без ГМО и других «прелестей цивилизации».

– Скажи мне что-нибудь, – потрепав пса по загривку, предложил Сайрус. – Что-нибудь хорошее и простое.

Пес лизнул Рему руку и отчаянно завилял хвостом. В деревне псы разговаривать не умели. Они плодились здесь в естественных условиях, без генетической коррекции и жили в овощных будках или под боком у хозяйского дома, а не в специальных обучающих лакунах на нижних уровнях квартир, на которые были разделены городские дома-муравейники.

– И хорошо, что «дворяне» вроде тебя не говорят. – Сайрус усмехнулся. – Если честно, тошнит уже от мутантов. Они полезные, преданные, умные... да, встречаются и такие, вот прямо-таки умные... но искусственные, хоть и живые. Природа никогда не сделала бы их настолько совершенными... уродами. А ты настоящий... у-у, зверюга!

Пес завалился на бок, затем улегся на спину и подставил хозяину пузо. Сайрус не отказал сторожу в удовольствии, почесал ему живот, а затем цокнул, приказывая настороженно замершему сумчатому на плече выдать собаке угощение. Грызун недовольно цокнул в ответ, но достал из сумки завернутый в зеленый лист кусок растительного «мяса» и бросил псу. Прямо так, в упаковке. «Дворянин» оказался не гордым и слопал городское угощение вместе с упаковкой, в три укуса.

Пока Сайрус осваивался на территории усадьбы, умный дом позаботился о завтраке и навел справки о привычках владельца. Хотя, возможно, это он сделал гораздо раньше. Во всяком случае, когда Сайрус наигрался с собакой и решил войти в жилище, кроме завтрака на столе его ожидали и другие приятные мелочи, которые он привык видеть в местах своего обитания. Например, дом установил на видном месте один из немногих артефактов техноцивилизации, которому дактианские генинженеры пока не вырастили достойную замену – инфопроектор. В принципе большая часть деталей в подобной технике уже выращивалась, но кое-что приходилось изготавливать с помощью неживых технологий или покупать у сайтенов и вживлять. Модель была не самая новая, но надежная и держала устойчивую связь с инфопотоками даже в самых отдаленных уголках планеты. Рем уселся за стол, выждал, пока стул-гриб приспособится к непростой конфигурации героической, но костлявой задницы высокого и художавого хозяина, и кивком разрешил дому включить проектор.

«Привычка, достаточно вредная для пищеварения, – подумалось Сайрусу. – Но потребность просматривать или читать новости за завтраком, похоже, въелась в какой-то из генов игрек-хромосомы. Отучить от нее мужчину можно только одним способом – преобразовать игрек-хромосому в икс-хромосому, то есть превратить мужчину в женщину. Вон Вита знает. Черт! Что-то я часто ее вспоминаю. Ой не к добру!»

Дом не умел читать мысли, это сто процентов, но каким-то образом догадался, о чем и о ком думает владелец. Проекция вдруг изменилась, и на передний план выплыли новости страткома. Военных сводок было мало, на всех фронтах наступило условное затишье, зато в живом режиме транслировалось открытое заседание комитета по военной этике при стратегическом командовании. Председательствовала на нем стратег Вита Рем.

«Вот тебе и вспомнил о сестренке. Тут же всплыла. Русалка болотная».

Вита, похоже, засекала, что среди призрачных зрителей появилась знакомая физиономия, мгновенно выпепила брата взглядом и подала лишь ему понятный знак «оставайся на связи». Сайрус вздохнул и приклеил к лицу унылую мину. Только-только отвлекся, хлебнул деревенского позитива, и вдруг на тебе, получи подзатыльник за то, что расслабился. Прямо, как в детстве. Ведь Вита... а тогда Витус... была, то есть был старшим братом. Проверить бдительность младшенького было для него, как помыть руки, в порядке вещей. Может быть, подзатыльники от Витуса и стали первым толчком, направившим Сайруса в сторону диверсионной деятельности. Во-первых, диверсанты постоянно пропадают где-то в тылах у врага, то есть очень далеко от родственников, а во-вторых, они умеют классно драться, то есть могут дать сдачи кому угодно, даже если он старше. Примерно так рассуждал маленький Сайрус. А когда он вырос и стал диверсантом... Витус стал Витой. Получилось, что дать сдачи ему опять нельзя.

«В этом смысле мароманнам проще, – Сайрус украдкой вздохнул. – У них кем родился, тем и живешь, сколько тебе отмерено. Они вообще всех этих вариантов не признают – ни смены пола, ни просто слишком нежного отношения к товарищам по клубу. Один пол на всю жизнь, одна традиционная семья, и никаких «рожаем по очереди». Для нас, конечно, все это дико, отстало и несправедливо, но у них другие варианты даже не обсуждаются. Консервативные ценности. Даже будь у них возможность, не изменили бы свой замшелый средневековый уклад. Короче говоря, варвары из медвежьего угла, пусть и технологически продвинутые, что с них взять? Но все-таки им проще».

Комитет страткома объявил перерыв, и Вита, не поднимаясь со своего председательского кресла, выделила из общего инфопространства закрытую линию связи с братом. Судя по озабоченному лицу и поджатым губам стратега, разговор предстоял серьезный. Но Вита не сверлила младшенького взглядом, и это вселяло надежду, что крупной взбучки не будет. Да и за что? Сайрус не делал ничего дурного вот уже пятую неделю кряду.

Он вообще ничего не делал, если говорить откровенно. Марободских диверсантов на Терранове отродясь не видали, несмотря на то, что половина планеты принадлежала мароманнам. Этот принцип Сайрус уяснил для себя давно – там, где жили, мароманны не гадили. Могли, конечно, устроить пограничный конфликт, но в рамках приличий и без энтузиазма. А чтобы затеять серьезную провокацию – это было не в их интересах. Так что подразделение противодиверсионной службы было на Терранове самым невостребованным из всех армейских частей. В доисторические времена такую службу называли синекурой.

– Как дела? – Голос у Виты был усталым, словно ей пришлось целые сутки с кем-то громко спорить.

– Служу. – Рем пожал плечами. – Знакомый архитектор вырастил домик в деревне. Вот взял два выходных, чтобы освоиться.

– Сад, пруд и собака? – Вита едва заметно улыбнулась.

– Все так, – Сайрус кивнул. – И даже море неподалеку. Мечты сбываются.

– Только не там, где хотелось бы. Хочешь то же самое на Аррадакте?

– Не хочу. – Рем коротко мотнул головой. – Там шумно и все ненатуральное, хоть и живое. А здесь... ты бы слышала, какая здесь тишина. И биочистота идеальная. А все потому, что на сто километров в любую сторону ни одной фабрики-фермы или чего-то подобного, только настоящий лес, горы и море. В лесу и горах полно животных, а в море рыбы, моллюсков и водорослей, но нигде нет ни одного ГМО. Можешь себе такое представить? Ни одного модификанта, мутанта или бионика. Вообще. И тишина. Просто рай. Куда там Аррадакту!

– Рада, что ты нашел такое гармоничное место, но вопрос не снимается. Ты хочешь вернуться в строй?

– Я и так в строю. В хромом, но все-таки.

– Не дуйся, Сайрус. Твоя ссылка – тактический ход. Да и тебе самому она пошла на пользу. Смотри, какой ты стал спокойный, уравновешенный. Даже на меня смотришь нормально и разговариваешь без твоего обычного раздражения.

– И ты предлагаешь отправить все эти достижения киту под хвост?

– Я предлагаю тебе снова стать Сайрусом Ремом, тактиком второго уровня, героем Аррадакта.

– Второй уровень? – Сайрус усмехнулся. – Стратком сменил гнев на милость? Собирался понизить меня до четвертого, но передумал и повысил до второго? Что за блажь?

– Стратком не знает такого слова, – строго сказала Вита. – Все наши действия просчитаны. Да, тебя законсервировали. Но никто не говорил, что ты вне игры навсегда. Просто мы ждали момента, когда потребуются услуги специалиста твоего класса. Этот особый момент настал. К Терранове приближается враг. Мы, конечно, сделаем все, чтобы встретить его и остановить у порога, но лично я считаю, что мароманны нанесут двойной удар – и с орбиты, и с грунта. Единственное, чего я пока не знаю, – какова цель, по которой ударят враги.

– Обычно бьют по приграничным поселкам и военным базам, – Сайрус пожал плечами. – Стандартная практика. Я не пойму, в чем особенность момента? В том, что на этот раз у них будет поддержка с орбиты? Так она и раньше была, «Каменный купол» обязательно сопровождает все провокации точечными ракетными ударами.

– Во-первых, в этот раз сопровождать провокацию будет не «Каменный купол», а Ударная группа, и, во-вторых, ты не понял, это будет не пограничная стычка. Мароманны намерены высадиться в центре нашей территории. Они уже забросили группу разведки.

– Что за... чушь? – Сайрус поморщился. – Откуда такие сведения? И почему я об этом не знаю?

– Сведения из надежного источника. И теперь ты об этом знаешь. Так что тебе в любом случае придется прервать свой отпуск, Сайрус, и заняться поиском вражеских разведчиков. Найди их раньше, чем прилетят основные силы, и ты тактик второго уровня. Выясни, на какой объект нацелились мароманны или какую цель они преследуют, и ты снова получишь группу. Даже отряд с полным штатом младших тактиков, приватов и биоников. Ясен расклад?

– Вполне, – Рем задумчиво потер подбородок. – Есть хотя бы примерные координаты квадрата, где высадились разведчики?

– Только сектор. Эпсилон.

– Двадцать из тридцати квадратов этого сектора покрыты лесистыми горами. Самый трудный для поиска вариант. Но я справлюсь. Ход мыслей мароманнской разведки я изучил неплохо.

– Надеюсь. – Вита сказала это почему-то после небольшой заминки. Она будто бы хотела прокомментировать одну из последних фраз Сайруса, но передумала. – Обращайся по любому поводу. Я буду на постоянной связи. И не только я. Весь стратком будет следить за ходом контроперации. Мы должны... нет, мы обязаны воспользоваться преимуществом, Сайрус. Враг не знает, что мы готовы к его прибытию. Такие шансы выпадают очень редко, брат.

– Мы воспользуемся. – Сайрус кивнул и поднялся из-за стола. – Мало им не покажется. Поиск разведчиков начну с квадрата тринадцать. Несмотря на зеленую маскировку, даже из космоса видно, что у нас здесь больше всего военных объектов. Есть большая доля вероятности, что разведчиков заинтересовали именно они. До связи, бра... э-э... сестричка. Аррадакту привет.

Глава 3

«Демон» и «левиафан»

Новейшая версия Боевого устава армии Маробода предписывала три способа высадки десанта на пригодные для жизни планеты. Первый вариант был самым безопасным. Большой десантный корабль подходил к планете на расстояние эффективного удара, подавлял с помощью огневых систем орбитальную оборону, а затем выстреливал автоматические штурмовые боты. Эти небольшие корабли-роботы входили в атмосферу и уничтожали вторую и третью линии обороны – воздушные силы и грунтовые огневые точки. Только после этого начиналась высадка бойцов на бортах десантных ботов. Фактически после мощной штурмовой подготовки бойцам и робокригам оставалось только зачистить территорию или выполнить другую поставленную командованием задачу. Опытные воины называли такие операции детскими или учебно-боевыми. Жаль, что эта схема применялась гораздо реже, чем две другие, поскольку срабатывала только против слабо защищенных колоний.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.